

MARINA AL'TE

ОЛЕГ

Тени прошлого

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

MARINA AL'TE Поторочина

Олег. Тени прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73054973

SelfPub; 2026

Аннотация

ЦИТАТЫ

"– Ты чертовски маленькая, чтобы быть такой раздражающей! – сквозь зубы процедил он.

– Не могу сдержаться, когда вижу самовлюбленных ослов, – продолжала язвить я.

Олег Волков! Парень, встреча с которой перевернула мою жизнь..."

Добро пожаловать Читатель в удивительный мир потрясающей истории о любви с захватывающим сюжетом и невероятными эмоциями! Буду рада вашим отзывам и оценкам! Приятного чтения!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	31
Глава 3	43
Глава 4	72
Глава 5	93
Глава 6	111
Глава 7	126
Глава 8	152
Конец ознакомительного фрагмента.	154

MARINA AL'TE

Поторочина

Олег. Тени прошлого

Пролог

– София, – привлек мое внимание Сергей Викторович. Я инстинктивно подняла взгляд на доктора. – С последнего твоего визита прошло две недели, – напомнил он. Я лишь кивнула. – Как ты себя чувствуешь?

Я устало выдохнула:

– Становится легче, – соврала я.

Доктор слабо улыбнулся, поправляя кудрявые темные волосы на затылке.

– Может, ты что-то вспомнила за это время? – упрямо продолжал спрашивать мужчина.

– Ничего, – на этот раз честно ответила я и вновь посмотрела в глаза мужчине. – Лишь ночные кошмары и...

– Расскажи мне о них, – попросил он и разлил воду по стеклянным стаканам.

Я смотрела, как заполняется сначала один, потом второй. Это было успокаивающе. Словно в плеске воды я могла уловить ту слабую нить, которую когда-то потеряла, но доктор поставил графин на металлический поднос, и я вздрогнула, вновь посмотрев ему в глаза.

– Что тебе снится?

Мне пришлось облизать пересохшие губы, прежде чем рассказать:

– Я помню только темноту... Она заполнила все вокруг

меня, – руки мои машинально затряслись, хотя сейчас я не чувствовала себя в опасности, но эти сны беспощадно тянули меня в бездну страха.

– Что дальше?

– В этой тьме я видела только... – я споткнулась, не решаясь рассказать правду, но доктор привлек мое внимание, подвинул стакан с водой ко мне ближе и кивнул, словно давая мне понять, что ему можно доверять. В этом я была не уверена, он был не просто психологом, а психотерапевтом, способным надолго прописать меня в клинике для душевнобольных.

Словно прочитав мои мысли, доктор вновь сказал:

– София, ты можешь мне доверять...

– Я видела только глаза, – выговорила я машинально и вжалась в кресло, потому что вновь почувствовала, как страх пробирает меня изнутри. – Это были нечеловеческие глаза... Цвета меда.... Они смотрели на меня, даже нет, не так, – я забежала взглядом по полу в поисках нужных слов и быстро ответила: – Они смотрели мне в душу...

– И чьи, по-твоему, это были глаза?

«Глаза волка» – промелькнула мысль у меня в голове, но озвучить это я не решилась.

Я взяла стакан и отхлебнула прохладной воды. Пересохшее горло больно сконфузилось. Доктор не отводил от меня внимательного взгляда темных глаз, пока я делала глоток, и поставила стакан на место.

– Я не знаю, – вновь соврала я.

Доктор хмуро выдохнул. Он, как и я, наверное, устал. Сегодня был солнечный день, лето в самом разгаре. Окно за моей спиной освещало белоснежный кабинет, стены которого были и без того беспощадно белыми, а сейчас даже ослепляющими. В такой день торчать здесь ему не хотелось. Это было понятно с самого начала.

– Итак, – словно подытожил Сергей Викторович, – мы с тобой работаем уже полгода, но не сдвинулись с мертвой точки...

Его слова показались мне упреком, но оправдываться было бессмысленно, ведь это была правда. Полгода, которые для меня промелькнули как один день. Один, сплошной и очень долгий день, который был скудным на яркость и эмоции. Каждая секунда, которого давила на меня, как надгробная плита. Эти полгода я провела как домашняя мышь, запертая в стеклянном шаре. Жизнь протекала где-то там, за окном моей квартиры, за дверью, но я в ней не участвовала. Мне было больно, больно жить после всего, что произошло.

А что произошло? – спросите вы.

В ответ я лишь пожму плечами, потому что не помню, что случилось со мной. Что случилось со всеми нами...

– Кажется, привычные методы моей практики с тобой не работают... – сказал доктор и уселся поудобнее, в мягком кресле.

– Кажется, так, – выдохнула я, ощущая себя безликим

существом, лишенным возможности вспомнить прежнюю жизнь.

Сергей Викторович – мужчина средних лет, с одутловатым лицом и маленькими темными глазками, спрятанными за окулярами толстых очков. Сегодня на нем был синий кардиган поверх белоснежной рубашки, черные классические брюки и начищенные с особой педантичностью ботинки с круглым носом. Он сидел в кресле напротив меня, закинув ногу на колено и уложив морщинистые руки замком поверх своей ноги.

И он был отличным психологом, как говорила моя мама, которая не теряла надежды, что моя прежняя жизнь вернется с былыми красками. А всего лишь надо было вспомнить то, что случилось полгода назад.

Но время шло, а шансы уменьшались...

Полгода каждодневной пытки и вопросов. Все спрашивали: мама, полиция, доктор... и я спрашивала саму себя: как же так вышло, черт подери, что я потеряла память? И, не менее мучивший меня вопрос: что случилось?

После аварии, которая произошла со мной и моими коллегами, врачи разводили руками, не давая гарантии, что моя память вернется. А между тем полиция отчаянно хотела сложить пазл воедино и понять, что случилось там, на московской трассе и куда пропали ребята. Ну и, конечно, как я оказалась в лесу, спустя месяц, в пригороде родного города, хо-

ты уезжала в Москву с ними вместе?

Как бы я сама хотела бы в этом разобраться.

Нас было трое. В Москву мы ездили по поручению босса. Мы работали журналистами в «ВГТРК Вести» и должны были отснять репортаж про съезд нефтяных магнатов. Я, оператор Петя по прозвищу Жук и Рома Вахрин. Он был не просто моим коллегой, он был моим другом со школьной парты.

Сначала, как говорит полиция, они нашли машину со следами аварии. На месте катастрофы они так и не обнаружили следов ребят. Спустя почти месяц нашлась и я. Странно, но полиция сделала вывод, что ребята мертвы. Первое время я отказывалась в это верить. Это не могло быть правдой. Но вскоре я задалась, хоть мне и было невероятно больно, с ними согласиться.

– Ты выжила, София, – упрямо твердила мне мама, – и надо научиться жить с этим...

И это была правда. Все эти полгода я училась заново жить. Ведь, в отличие от Ромки и Пети, я была жива. Жива, вопреки всему, что бы, черт возьми, с нами ни произошло!

Я до сих пор не могла поверить, что их больше нет...

На глазах навернулись слезы, я сморщилась, чтобы не дать слезам прорваться. Доктор вдруг встал, я вздрогнула, посмотрев на него. Его глаза почти с вызовом смотрели на меня сверху. Наверное, он злился на меня, ведь мы и, правда, не продвинулись ни на миллиметр. Возможно, я была единственной его пациенткой, стену которой пробить у него не

получалось. Его злость читалась на его лице, собственно, как и моя собственная злость на саму себя.

Он еще минуту смотрел мне в лицо, а после подошел к дубовому столу. Открыл верхний шкафчик и вынул оттуда что-то, что сжал в кулаке.

Сначала я решила, что это возможно таблетки, чем он пичкал меня первые месяцы нашей работы. Но, когда он сел обратно, то раскрыл сморщенные пальцы и, подцепив за веревочку небольшой металлический кулон, вытянул передо мной.

– Знаешь, что это? – спросил он.

Я отрицательно замотала головой.

– Это маятник, – пояснил доктор, смотря на меня глазами, в которых мелькнул странный и даже пугающий блеск. – Его используют для гипноза. Мы можем попробовать расшевелить твою память...

Я заглотила ком в глотке. То, что он не предлагает мне препаратов, это было, конечно, замечательно. От таблеток у меня часто болела голова и тошнило. Но гипноз...

– Как это работает?

– Я погружу тебя в транс, который позволит нам приоткрыть ту дверцу, которая захлопнулась после аварии...

Словно поняв его слова, я единожды кивнула. Страх, очевидно, проявился на моем лице, и доктор слабо улыбнулся, наверное, считая свою улыбку добродушной, но он ошибался. Она больше походила на оскал доктора Зло.

– Тебе не стоит бояться, София, – будто вновь прочитав мои мысли, отозвался доктор, – это, пожалуй, наш последний шанс узнать, что случилось с твоими друзьями...

Я зажмурилась, ощущая себя теперь не просто мышью в стеклянном шаре, а подопытной крысой. Про гипноз я слышала лишь из сериалов, и все они заканчивались плохо. Очень, очень плохо. В памяти вновь возникло лицо Ромки, отчего я вжалась в кресло и сцепила вспотевшие руки в замок, так крепко, что вскоре они онемели.

Я не могла оставить все как есть. Это было не просто несправедливо, а абсолютно нечестно. Мне удалось выжить, им нет! Я здесь, а мои друзья... Я даже не знаю где мои друзья! Я видела, как убиваются их родственники. Кто-то до сих пор не верит в версию полиции. Другие скорбят, не имея возможности даже похоронить их. И их пропажа, а точнее смерть, стала не просто трагедией, а жуткой и необъяснимой трагедией, свет на которую я просто обязана была пролить.

– Я готова, – я поразилась, каким решительным стал мой голос.

– Отлично, – отозвался Сергей Викторович, а когда я открыла глаза, он продолжил: – Тебе не стоит волноваться. Просто слушай мой голос и попытайся расслабиться...

Я, конечно, попыталась, но мое тело было больше похоже на камень. Через силу я расцепила руки и положила их на подлокотники кресла.

– Мы начнем с момента отъезда в Москву? – спросила я,

оттягивая время.

– Давай начнем с самого начала, – предложил доктор и подался вперед, уперев руки на свои колени.

– А где то самое начало?

– Вот и узнаем, – ответил он. От его взгляда было не по себе, но я продолжала смотреть в его глаза, ища там хоть малую надежду на то, что после сеанса я не сойду с ума, – а теперь расслабься и закрой глаза...

Я плотно сжала рот и спустя секунду закрыла глаза. Веки мои подергивались то ли от нежелания такого метода то ли от волнения, но я старалась их не открывать.

– Сейчас сделай глубокий вдох, – тихим и умиротворяющим голосом попросил мужчина, и я повиновалась. – А теперь выдох...

Шумно выдохнув, я зажмурилась, ощущая, как мое тело сопротивляется.

– Услышь, как бьется твое сердце...

И правда, мгновение, и я почувствовала ритмичное бие-ние своего сердца, поначалу оно билось быстро, словно то-ропилось, но с каждым новым вдохом и выдохом оно успо-каивалось.

– Открой глаза и смотри на маятник, – попросил доктор.

Когда я распахнула глаза, то увидела, как металлический медальон ритмично покачивается из стороны в сторону. Я, не отводя взгляда, следила за его мерным движением.

– На счет три твои веки сомкнуться и ты погрузишься в

сон...

Периферийное зрение ускользало, размазывая комнату и пухлое лицо доктора в серую массу. Я почувствовала, как мое тело онемело, а пальцы рук била паническая дрожь. И мне становилось страшно. Страшно, что я вновь провалюсь в тот сон и встречу взглядом с хищными глазами. Я хотела оторвать взгляд и протестовать, но у меня не получалось. И я услышала тихий, словно отдалённый, голос доктора:

– Раз... два... три...

Веки безвольно сомкнулись, и последнее, что я помню – это темнота, окутывающая меня и парализующая мой разум.

Глава 1

В классе царила звенящая тишина. Казалось, каждый с маниакальным усердием корпел над сочинением об Анне Карениной. Все, кроме меня...

В голове моей зияла бездонная пустота, словно чудовищный вакуум вырвал все мысли, оставив лишь гнетущее, раздражающее ничто. Отчаянно пытаюсь выудить хоть искру воспоминаний из прочитанного летом, я проклинала себя за бездарно потраченные каникулы, где страницам школьной литературы не нашлось места.

– Она опять поругалась с Марком, – прошептала Верка за спиной, и меня пронзила острая боль.

Эти две болтушки начинали меня раздражать своей одержимостью запрыгнуть в мою душу, мою жизнь и мои отношения!

– Да они вечно ссорятся, – тихо отозвалась Даша, её соседка по парте. – Это фишка их отношений...

Я шумно выдохнула, надеясь заглушить их шёпот, дать им понять, что я слышу каждое слово, и меня совсем не радует то, что они обсуждают мою личную жизнь. Но Дашка была права, в последнее время наши отношения с Марком стали полем битвы. Вчерашний день не стал исключением, обрывая нити и без того натянутых чувств.

Марк... Я знала его с самого детства. Сначала он был про-

сто соседом по парте, воровал мои карандаши и подкладывал кнопки на стул. Когда же наши отношения переросли во что-то большее? Кажется, прошла целая вечность с того момента...

Нам было лет по десять или одиннадцать, когда мы впервые поцеловались на школьных танцах. С того момента все вокруг решили, что мы созданы друг для друга. Кажется, и мы думали так же. И вот уже шесть лет мы вместе. Невероятно, ведь Марк был настоящим принцем – темноволосый, высокий, с ангельским лицом. А я... Я никогда не считала себя красивой, и ревность грызла меня изнутри, и, увы, не безосновательно. Все девчонки из школы, да и не только они, пожирали его глазами! Помню, в девятом классе даже молоденькая учительница английского, Мария Павловна, осыпала его вниманием, граничащим с непристойностью. Одноклассники смеялись, отпуская злорадные шуточки, но мне было не до смеха. Тогда, кажется, он впервые признался мне в любви, и я ответила взаимностью.

В тот момент я действительно верила в наши чувства, в светлое, чистое чувство, похожее на любовь. А сейчас...

Сейчас всё стало невыносимо сложно!

После девятого класса отец Марка перевёл его в элитную школу для золотой молодёжи. Решил, что простая школа – это слишком жалкое место для его «птенчика».

Марк особо не сопротивлялся, он был полностью зависим от отца. Говорил, что отец – его кумир, но я знала прав-

ду. Марк боялся потерять наследство, не мог представить себя обычным подростком без средств на существование, чем вечно грозил ему отец, ругая за очередную, уже не детскую шалость. Например, однажды он разбил папин «Порше», решив прокатить своих новых дружков. Тогда Марк отделался строгим выговором отца и лишился карманных денег на неделю.

Неделю! Которую он вёл себя божьим одуванчиком, возвращая расположение отца.

Марк всегда выделялся из толпы не только благодаря брендовой одежде, но и своим безграничным карманным деньгам, вызывая зависть у сверстников.

Помню, на мои пятнадцать он подарил мне плеер, который стоил дороже, чем новый компьютер, на который моя мама копила полгода. Да, мы жили очень скромно. Меня воспитывала только мама, работая на износ, чтобы хоть как-то свести концы с концами. И это лето я провела на подработках, чтобы хоть немного облегчить её ношу. Марк поначалу смеялся, потом злился, ведь мы начали всё меньше времени проводить друг с другом. А потом и вовсе поссорились. И он не понимал, почему в свои семнадцать, вместо того чтобы гулять и веселиться, я пропадаю на работе, в пыльной подсобке местной почты, раскладывая письма по коробкам.

И он никогда бы не понял.

Мы с мамой жили вдвоём в двухкомнатной хрущёвке, в не самом благополучном районе города. В отличие от Марка,

чей отец построил огромный особняк на окраине, где комнат было больше, чем квартир в нашем стареньком доме.

И эта разница в быте стала еще более ощутимой. Возможно, это и стало одной из причин пропасти, разверзшейся между нами.

Но были и причины куда весомее. Его бесконечные вечеринки в отцовском особняке, когда родители уезжали за границу, а уезжали они, чуть ли не каждую неделю! На этих тусовках я чувствовала себя его ручной зверушкой, которую он демонстрировал своим новым друзьям, словно хвастаясь новой игрушкой.

– Как же тебе повезло с парнем! – твердили Вера и Даша, мои подруги, которые не пропускали ни одной тусовки Марка.

Но я не разделяла их восторга. Не чувствовала себя счастливницей, как могло показаться со стороны. Напротив, пафос и нарциссизм Марка вызывали у меня отвращение. Иногда хотелось вlepить ему звонкую пощечину, вытряхнуть из его кудрявой головы всю эту напыщенность, с которой он выставлял меня напоказ.

И только Ромка Вахрин, мой новый сосед по парте и лучший друг, понимал, что я чувствую и как мне некомфортно быть в центре внимания. Не только потому, что я не умела вести себя в этих кругах, а скорее всего, потому, что я просто не подходила на роль девушки Марка. Во мне не было ни любви к роскоши, ни страсти к дорогим напиткам, ни вос-

хищения его новеньким «Мерседесом», подаренным отцом.

И когда я осознала, что такая жизнь не для меня, меня всё чаще стали посещать мысли о разрыве. Но я никак не могла найти подходящий момент, а когда он наступал, Марк, словно чувствуя это, снова становился прежним, заботливым и романтичным, отбрасывая свою надменность и пафос. В эти редкие минуты я вновь чувствовала, что нас связывает что-то настоящее. А потом всё повторялось снова...

Конечно, я могла бы отказаться от этих вечеринок, но меня терзали мысли о том, что Марк обязательно вляпается, в какую-нибудь историю. И, вопреки всему, я всегда присутствовала на этих шумных тусовках, где единственным спасением был Ромка. Часто мы сбегали в дальние комнаты огромного особняка и сидели в темноте, прихватив бутылку чего-нибудь крепкого. Признаюсь, это были самые душевные моменты. Мы смеялись, передразнивая новых одноклассников Марка и придумывая им смешные прозвища, пока Верка и Дашка тусовались с напыщенными парнями, ища то ли любовь, то ли неприятности.

– На кой черт тебе сдался этот говнюк? – однажды спросил Ромка, когда мы в очередной раз сбежали от громкой музыки и взглядов миллионеров.

Я задумалась. Спустя минуту Вахрин хохотнул, отпил виски и протянул мне бутылку, которую мы осушили уже на треть. Я печально улыбнулась тёмной жидкости:

– Не знаю, – честно ответила я. – Наверное, я всё ещё вижу

в нём того самого Марка, мальчишку, который подпалил мне волосы в третьем классе и...

– Если бы я знал, что девочкам нравится такая жесть, не стал бы приглашать их на свидания, – хохотнул Ромка, и я не удержала улыбку, хотя смеяться было не над чем.

Действительно, наши отношения становились всё сложнее, и единственное, что нас держало вместе – это привычка. И я каждый раз думала, что всё можно вернуть. Отмотать, как любимую песню на том самом плеере. И я ждала, ждала, будто всё ещё верила, что вскоре все станет как раньше. А может, просто боялась что-то менять...?

Я вновь посмотрела поверх голов одноклассников. Многие уже исписали не один лист, описывая трагедию Карениной, другие, как и я, сидели перед пустыми тетрадями, отчаянно пытаюсь вспомнить сюжет. Я мысленно улыбнулась – я не буду единственным, кто завалит это эссе.

Что ж, перспектива остаться после уроков с учительницей литературы не так уж и плоха, если это будет отличным поводом не ехать на очередную вечеринку Марка.

Я представила, как нахмурится его лицо, когда он узнает, что какая-то Каренина стала важнее, чем он, и усмехнулась. Когда он злился, его лицо покрывалось красными пятнами и становилось похожим на помидор. Это меня всегда смешило. Это было хоть каким-то проявлением человечности в нём.

– Эй, Белка, – Дашка толкнула меня в спину ручкой. –

Может, вы с Марком помиритесь, и мы снова попадём на его вечеринку?

– Не мечтай, – прошептала я, не оборачиваясь.

– Ну, – протянула Верка, и я почувствовала её взгляд. – Почему косячит Марк, а отдуваемся мы?

Понятно, девчонки хотели попасть на тусовку, даже если для этого мне придётся помириться с ним – парнем который меня чертовски обидел!

– Манипулировать дружбой – это так... мелко, – вспыхнул Ромка, отрываясь от сочинения.

– Мелко – это когда ты все еще девственник в семнадцать лет! – огрызнулась Верка, и я не удержала смешок.

Валерия Борисовна бросила на меня строгий взгляд.

– Белкина, – сказала она. – Я рада, что судьба Анны Карениной не кажется тебе тривиальной, раз ты так довольна. Или ты уже закончила?

По классу прокатился смех. Я сглотнула и взглянула на свой пустой лист.

– Почти... – соврала я, ощущая, как учительница буравит меня взглядом, пытаюсь прочесть моё сочинение на моём лице.

Но оно было таким же пустым, как и тетрадь.

Валерия Борисовна оторвалась от меня и оглядела класс, а спустя секунду вновь погрузилась в чтение второсортного романа, которые она так любила, но прятала за обложку российской классики.

Я обречённо вздохнула и вновь уставилась в свою пустую тетрадь, предчувствуя, какой будет моя годовая оценка по литературе.

Краем глаза я заметила, как Ромка достал что-то из тетради и сунул мне под руку:

– Только потому, что мы друзья, – прошептал он и улыбнулся, когда я взглянула на него. – Поблагодаришь потом...

На листочке были краткие выдержки из книги, которые он припас для себя. Он учился лучше всех в классе, пожалуй, даже лучше, чем кто-либо в параллели. И это было странно, учитывая его равнодушие к знаниям. Верка и Дашка даже дали ему прозвище – Задрот. Он знал об этом, но, кажется, не обижался.

Кто-то мог бы подумать, что иметь такого друга – это замечательно, но Ромка почти никогда не давал мне списывать. Это был первый и, вероятно, последний жест его доброй воли.

Он недовольно сморщился, наблюдая, как я принялась переписывать его конспект в свою тетрадь, и прошептал:

– Ты хоть своими словами перепиши!

Я лишь слабо улыбнулась и принялась вчитываться в его ровный и красивый почерк.

– Да что ж такое! – возмущалась Дашка за моей спиной. – А мне даже глазком взглянуть не дает!

Следующие двадцать мучительных минут урока я пыталась собрать воедино ускользающие мысли, списанные со

шпаргалки Вахрина. Но тщетно. И дело было не столько в судьбе Карениной, хотя, признаться, ее терзания трогали меня меньше всего. Куда больше волновала моя собственная участь. Последний год в школе, словно приговор навис над мной, а впереди маячили итоговые экзамены и поступление в колледж. Целая бездна неизвестности...

Звонок, хриплый и надтреснутый, словно предсмертный вздох, прокатился по школе. Класс опустел в мгновение ока, пока я судорожно запиховала злополучную шпаргалку в рюкзак. Валерия Борисовна, сощутив глаза, бдительно следила за учениками, словно ястреб за добычей, не позволяя ни одному забыть сдать эссе. Я дрожащей рукой сунула свою тетрадь, зарыв ее поглубже, в уже образовавшуюся кучу, надеясь, что когда учительница доберется до моего сочинения, ей настолько опротивеет это занятие, что она не станет вчитываться в то, что я наваляла.

Едва я выскользнула из душного класса, Верка и Дашка, словно вихрь, подхватили меня с двух сторон и поволокли в самую гущу учеников, которые торопливо протискивались сквозь узкие проходы школьного коридора.

– Мы просто обязаны пойти на эту вечеринку! – пропела Дашка прямо мне в ухо.

– К тому же, Марк обещал прокатить нас на своей новой тачке! – заликовала Верка с другой стороны.

Я демонстративно закатила глаза и глубоко вдохнула спёртый воздух лестничной площадки.

– Ну, не будь такой букой! – вновь заныла Дашка. – Мы же лучшие подруги!

– Да идите вы без меня, в конце концов, – выдавила я.

– Это будет странно... – пробурчала Верка.

– И без тебя там будет смертная тоска... – надулась Дашка.

– Как и все двадцать раз до этого, когда вы даже не заметили её отсутствия, – проворчал Ромка, идя следом за нами.

И он был прав. Ни разу они не заметили, как мы с Ромкой сбегали с этих вечеринок и прятались в дальних комнатах, словно затравленные зверьки. У них были дела куда важнее моих расстроенных чувств. Да и обременять их своими сердечными тайнами я не хотела. Поэтому я и не обижалась. Они были по-настоящему счастливы, утопая в этом океане гламура и красивых парней. А я... я предпочитала компанию Ромки, порой нудного и любопытного, но всегда такого необходимого.

Мы и правда сдружились. Назло ревности Веры и Даши, и еще большей ревности Марка. Однажды он даже не постеснялся спросить Ромку в лоб:

– Что ты вечно вокруг неё вьёшься?

Мы с Вахриным переглянулись, словно кролики, увидевшие удава. Но Ромка не робкого десятка.

– Хоть кто-то должен составить ей компанию, пока ты развлекаешь своих напыщенных дружков!

Марк покраснел от макушки до пят, что-то буркнул себе

под нос, но не ответил. А Ромка, видимо, посчитал словесную дуэль выигранной и стал еще чаще появляться рядом со мной. Назло Марку, конечно. Но мне хотелось верить, что ему просто приятно моё общество. И это было взаимно!

Вахрин, казалось, был единственным человеком в моей жизни, кто знал меня настоящую. Знал все мои секреты, даже самые сокровенные тайны, и никогда не выдавал их. В отличие от моих болтливых подружек. Но, даже зная их слабость, я всё равно любила их. Каждую по-своему.

Вера Вахрушева – школьная всезнайка, ни одна сплетня не могла проскользнуть мимо её ушей. Я всегда поражалась, как её маленькая головка, под копной рыжих кудряшек, может вмещать в себя все новости не только нашей школы, но и целого района, а может, и всего города! Но за этой беспечностью скрывалась ранимая душа, которую она показывала редко и только в отсутствие Ромки. Они терпеть друг друга не могли. Она считала его занозой в заднице, а он её – законченной стервой.

Ну, и четвёртая в нашей компании – Дашка Лекомцева. Тихая скромница, которую перевели к нам в школу пару лет назад. До встречи с нами она была настоящей серой мышкой. Конечно, она очень изменилась за это время. От серой мышки осталось только прозвище (не будем его озвучивать) и милое пухленькое личико с голубыми глазками и белокурыми волосами. В прежней школе она была отличницей, по словам её мамы, а сейчас пятёрки в её дневнике украшают

лишь пропуски. Но мама Даши, на удивление, была довольна. Она часто говорила, что очень переживала, ведь её единственная дочь была заложницей книг, а на улицу выходила два раза в день: по дороге в школу и обратно. Им даже пришлось завести собаку – добермана с милой кличкой Лютик, совершенно не подходящей этому злобному зверю. Но даже Лютик не мог вытащить Дашку на улицу чаще. А сейчас наша Мышка радуется своей маме тем, что пропадает с нами. Вот только если бы она знала, чем мы занимаемся... Сомневаюсь, что она бы осталась довольной.

Поначалу мы с Веркой думали, что Даша неплохо смотрелась бы с Вахриным, но вскоре по школе пронёсся слух о его нетрадиционной ориентации, и Дашка стала относиться к нему как к подружке.

Ромке, конечно, эти слухи не нравились, но, тем не менее, он не стал их опровергать. Лишь однажды сказал нам:

– Когда стадо баранов блеет, я не собираюсь им отвечать!

И слухи постепенно утихли, а Марк перестал возражать против моего с Ромкой тесного общения. И говоря «тесное», я имею в виду, что мы действительно проводим много времени вместе. Ходим по магазинам и в кино, чаще всего на мелодрамы, где оба рыдаем навзрыд друг другу в плечо, а по дороге домой обсуждаем, как могла бы сложиться жизнь героев, если бы они поступили иначе. И даже моя мама считает Ромку кем-то вроде сына, и его присутствие в нашем доме воспринимается как что-то само собой разумеющееся.

Мы с ребятами уже спустились на первый этаж, вернее, нас несло течение этой обезумевшей толпы, словно в муравейнике. И какое счастье, что нам было с ними по пути...

– Софи... – протянула Дашка, взглянув на меня умоляющими глазами, и мы, наконец, остановились. – Пожалуйста...

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста... – затараторила Верка, сложив ладони в мольбе.

– Ладно! – выплюнула я, зная, что ни один мой аргумент не способен унять этих двух настойчивых особ.

Обе подпрыгнули и хлопнули друг друга по ладоням.

– Поддалась! – фыркнул Ромка мне в ухо. – Слабачка!

– А у меня есть выбор? – шепнула я в ответ.

Дашка и Верка умчались в гардеробную, прихватив наши номерки. За решёткой школьного гардероба было не протолкнуться. Большинство классов заканчивали учебный день вместе с нами. Я бы не рискнула даже приблизиться, чтобы меня не раздавили в этой гудящей толпе.

– Выбор есть всегда, – вновь привлёк моё внимание Ромка и сел на подоконник, не переставая разглядывать меня.

– Да, выбор из: весь вечер думать, что твой парень вновь попадёт в какую-нибудь заварушку, или...

– Участвовать в этой заварушке, – закончил за меня Ромка.

Я устало пожала плечами:

– Есть вероятность, что я смогу остановить разгром его

дома.

– Как будто бы это его заботит, – фыркнул Вахрин.

И он был прав, ведь не раз помогал мне разгребать завалы пластиковых стаканов, пытаясь скрыть улики масштабного веселья, что оставляли дружки Марка, отправляясь по домам. А Марк тем временем уже отсыпался, уложенный мной и Ромкой не без труда конечно, ведь он всегда просил продолжения. В такие моменты меня всегда захлёстывало какое-то странное, болезненное чувство: смесь раздражения и щемящей ответственности за него. И сейчас я чувствовала это снова.

– Опять будешь весь вечер прятаться в тёмных комнатах? Я уселась рядом и улыбнулась другу.

– Ну, я буду не одна, и это радует, – я пихнула его локтем в бок.

– Ну, уж нет! – резко ответил он и скривился. – Даже не надейся, я туда больше ни ногой!

– Но...

– Нет! – отрезал Ромка, сверкнув на меня взглядом серых глаз. – Даже не проси! Я не против твоей компании, но Марк и его прихвостни...

Ромка отрицательно покачал головой, и я поняла, что умолять его бессмысленно. Пожалуй, Вахрину, они нравились куда меньше, чем мне.

– Я лучше все выходные потрачу на подготовку к контрольной по физике, – сказал он, всё ещё глядя мне в лицо. –

И кстати, тебе бы тоже не помешало, у тебя трояк...

— Не начинай! — сморщилась я. — Ты как моя мама...

Он рассмеялся и отвернулся к гардеробу. Девчонки уже пробирались сквозь толпу пятиклашек, заставляя их посторониться.

— И почему мы должны каждый раз оставлять свои вещи в этом тараканьем гнезде? — проворчала Верка и швырнула куртку Вахрина прямо в лицо парню. — В следующий раз сам туда полезешь!

Ромка скорчил гримасу и поспешно натянул ветровку.

— Стерва! — прошипел он в ответ и получил от Верки кулаком в плечо.

Даша вручила мне пальто, и я поспешно накинула его и забросила рюкзак за спину. Школьный холл пустел с удивительной быстротой. Казалось, предстоящие выходные были для всех учеников глотком свежего воздуха, хоть школа и не успела ещё нас утомить, ведь был только сентябрь.

Наш последний сентябрь в этой школе. И последний год... а дальше — взрослая жизнь, которую я всегда так жаждала, а теперь, кажется, боюсь. В этой взрослой жизни будут совсем другие заботы, которые мне придётся решать самостоятельно. Но как? Я с трудом разбираюсь в том, что происходит сейчас, а думать о будущем просто страшно.

Сможем ли мы быть вместе с Марком? Что изменится после окончания школы? Будем ли мы так же общаться с Ромкой, Веркой, и Дашкой? А если нет?..

Я зажмурилась, почувствовав странную тревогу. Мне не хотелось ничего менять. Пусть это и странно, но я слишком быстро привязываюсь к людям, к месту, ко всему, что меня окружает. И когда приходит время прощаться, мне каждый раз невыносимо больно. Как с Марком... я слишком к нему привыкла, чтобы вот так просто расстаться.

Однажды, в детстве, я устроила маме настоящую истерику, когда она выбросила моего старого плюшевого медведя, символ моего детства. Мне было всё равно, что у него не было ни глаз, ни лап. Маме пришлось купить мне нового, чтобы я перестала реветь. Но Марк – не плюшевый медведь, которого можно просто заменить на нового...

На улице было прохладно. Сентябрь в нашем городе выдался холоднее обычного. Листья с деревьев под порывами ветра усыпали школьное крыльцо шуршащим ковром.

– Удачно повеселиться, – саркастично шепнул Ромка мне в ухо.

Я сухо улыбнулась.

– А тебе удачи с физикой. Задрот!

Он расплылся в довольной улыбке, махнул девчонкам и быстро спустился с крыльца, направляясь к своему дому. Я еще недолго смотрела ему вслед, немного завидуя.

Ромка поступает мудро. Он успевает учиться, в отличие от нас. Я не сомневаюсь, что он сдаст все экзамены на отлично. А вот мы...

– Пошли скорее, – позвала меня Дашка. – Надо еще найти

тебе что-нибудь приличное на сегодняшний вечер!

– Приличное? – переспросила я и спустилась к девчонкам. Они синхронно кивнули. – Разве в моем гардеробе такое найдется?

– Конечно же, нет! – в один голос рассмеялись они и взяли меня под руки, потащив за собой.

Глава 2

– Опять вечеринка у Марка? – морщась, произнесла мама, входя в мою комнату. Очевидно, её нос тут же уловил стойкий запах лака для волос, которым Верка не жалела, буквально обливая меня сверху.

– Ага, – коротко ответила я.

– Кажется, еще вчера ты твердила, что больше никогда не хочешь его видеть, – произнесла мама с легкой усмешкой, заходя в комнату и плюхаясь на кровать рядом с Дашкой. Та была завалена моими вещами. – Что же изменилось?

– Это мы ее убедили помириться! – отозвалась Верка, все так же терзая мои волосы в попытке накрутить прядь на плойку. Я ущипнула её за бок, отчего она пронзительно вскрикнула:

– Сиди смирно! А не то останешься без волос!

Подчиняясь её угрозе, я подняла обе руки вверх с видом «сдаюсь».

Мама все еще пытливо смотрела на мое отражение в зеркале, словно пытаясь выудить из него ответ на свои вопросы. Напрасно. Ни на один я не могла ей ответить.

Шумно выдохнув, я вновь взглянула ей в глаза сквозь зеркальное отражение, и произнесла:

– На самом деле мы бы все равно помирились... рано или поздно, – при этих словах голос звучал так, будто я и сама

пыталась в это поверить. На каком-то уровне так оно и было. Я пожала плечами, и кисло улыбнулась маме. — Так что...

Она недовольно кивнула головой.

И правда, такое между нами уже случилось миллион раз. Мы ссорились бурно и шумно: с хлопанием дверей, до криков, но всегда мирились. Пусть и ненадолго. Со временем скандалы неизбежно повторялись. Мне даже начало казаться, что я привыкла вести себя с ним как настоящая истеричка! А он привык быть полным мудаком!

Мама всегда была против наших отношений с Марком. Как и его родители, если уж быть честной. Отец Марка однажды заявил (не напрямую мне, конечно; но слишком громко, чтобы я случайно не услышала):

«Мы тут не благотворительностью занимаемся, Марк! Хватит таскаться с ней!»

Марк всякий раз приносил свои извинения за грубость отца, а я неизменно делала вид, что ничего не слышала. Наверняка его отец мечтал для сына о лучшей партии, чем девушка из неблагополучного района. Но такова реальность.

Моя мама, в свою очередь, невзлюбила Марка с самого первого школьного дня, когда тот украл белую крысу из живого уголка в школе и сунул её в мой портфель. Время шло; мы выросли и менялись, и наши отношения лишь крепли. И я думала, что когда-нибудь она смирится с моим выбором. Однако мама продолжала упорно надеяться на чудо: что мы рано или поздно расстанемся.

Но мама никогда не настаивала на своем, позволяя мне принимать решения самостоятельно. За это я любила её особенно сильно. А ещё за её уникальную способность находить подход к любой моей компании. Она идеально вписывалась в любую атмосферу. Все мои друзья её обожали!

Сейчас я глянула на её отражение в зеркале и увидела перед собой всё ту же задорную девушку с яркими голубыми глазами и радостным смехом. Только теперь её глаза немного потускнели – от усталости или волнения за меня. А в темных волосах уже пробивалась седина. Но, несмотря на это, она всё равно оставалась очень красивой. Настолько красивой, что невольно хотелось улыбнуться, глядя на неё.

– Загадка века, – вздохнула мама после паузы. – Как можно любить такого, как Марк?

– Вообще-то Марк душа! – почти пропела Дашка, оторвавшись от охапки моих вещей. – Он симпатичный, богатый и смешной... – перечисляла она по пальцам, наивно морща носик, как ребёнок.

– Да-да, точно! Забыла, что это главные черты стоящего человека! – едко и саркастично произнесла мама, бросив взгляд на гору одежды на полу перед кроватью и обратилась к Дашке:

– Пытаешься выцепить что-то приличное в этой куче?

Дашка кивнула:

– Но это бесполезно, – заныла она, устало опуская плечи. Мама рассмеялась при виде её выражения лица, а следом

хихикнула и Верка, которая в этот момент снова потянула меня за волосы.

– Ай! – громко воскликнула я. Верка натянуто улыбнулась, а я развернулась к ним и ответила резко:

– Хватит позорить мой гардероб! Я пойду в джинсах и жёлтой футболке.

Три голоса дружно прозвучали в ответ:

– Нет!

Я демонстративно закатила глаза и повернулась к зеркалу.

Спорить с каждой из них по отдельности трудно, но если они вдруг собираются вместе, лучше вообще не пытаться отстаивать своё мнение. Как однажды метко заметил Ромка: они любого переспорят, а если не получится – просто задавят численным преимуществом.

– А вот что! – мама вдруг оживилась, словно вспомнила что-то важное. – Кажется, у тебя были парочка хорошеньких платьев...

– Чёрное с красными цветочками? Она была в нём в прошлый раз, – напомнила Дашка.

– А в бежевом – в позапрошлый, – добавила Верка.

Мама только рассмеялась и развела руками.

– Сдаюсь, девочки. Но, желаю удачи!

Она чмокнула Дашку в щёку, Верку тоже не обидела поцелуем, а меня аккуратно потрепала по щеке, опасаясь горячей плойки в руках Верки. Мама явно боялась, что та случайно прожжёт мне кожу, манипулируя этим «инструментом».

– Я отправляюсь на работу, – сказала она.

– Снова ночная смена? – спросила я.

Мама остановилась на пороге и тяжело вздохнула:

– Увы. Медперсонала почти не осталось – все разбежалось, как тараканы... – она пожала плечами, так и не закончив мысль.

Мама была хирургом в местной больнице ещё с тех времён, которые я почти не помню – кажется, всё началось задолго до моего рождения. В детстве я мечтала быть как она: спасать жизни и делать мир лучше. Часто оставалась на ночных сменах вместе с ней и мало-помалу начала разбираться в медицине лучше сверстников. Но желание стать врачом испарилось со временем: дело не в том, что у меня тройка по физике, как шутил Ромка. Я просто осознала, что совершенно не переношу вид крови.

– Хорошей смены! – махнула рукой Дашка и снова принялась за вещи, вызвав оживление хаоса на кровати.

– Спасибо! – ответила мама, ещё раз внимательно оглядев бедлам, устроенный нами в комнате. Затем она строго произнесла:

– А вы втроём тут потом уберите!

Попытка быть серьёзной ей явно не удавалась: когда мама говорила строгим голосом, то выглядела даже забавно.

– Конечно! – быстро произнесла Дашка.

Мама скрылась за дверью. Верка и Дашка тут же заговорщически переглянулись, стало ясно, что уборкой они зани-

маться не собираются.

«Отлично», – подумала я раздражённо, вдохнув воздух, насквозь пропитанный лаком для волос, – «Пока Дашка развлекается с примерками одежды, прибираться придётся мне».

Через пару часов наша Мышка все-таки отыскала более-менее приличный, по мнению её и Верки, наряд. Меня, без лишних церемоний, впихнули в него и повернули к зеркалу.

Не знаю, как им это удалось, но они умудрились превратить меня в довольно сносного человека. Верка накрутила огромные локоны, которые легко спускались на мои плечи русыми кольцами. Она подкрасила мне ресницы, сделав их заметно длиннее, и мои большие зелёные глаза стали казаться ещё больше на узком лице.

Больше я не позволила Верке использовать косметику – не из страха перед её избыточным энтузиазмом, а просто потому, что мне не нравилось ощущать на коже слой средств, какими бы качественными они ни были.

Дашка покопалась в моём старом барахле и выудила чёрные брюки, сидевшие так плотно, что подчёркивали все особенности фигуры: облегли ягодицы и расширились в клёш от колена. К этому добавилась белая рубашка с коротким рукавом, поверх которой она набросила чёрный жилет, затянув его за моей спиной почти как корсет.

– Уверена, Марк ахнет! – просияла Дашка, придвинув-

шись к моей правой стороне и явно довольная своей работой.
– Все ахнут! – добавила Верка, становясь слева от меня и поправляя локоны.

Я занялась запихиванием груды одежды обратно в шкаф, пока девчонки возились с собственными образами. Им на это потребовалось около получаса. Когда мы, наконец, вышли из дома, смеясь над очередной шуткой Дашки, на улице уже опустились глубокие сумерки.

Было прохладно; единственной защитой от вечернего ветра оказалась короткая драповая куртка. Мое пальто подруги дружно забраковали, считая его старомодным – несмотря на то, что оно было куплено мной всего пару сезонов назад.

Я подняла взгляд к серому небу, которое низко повисло над унылыми пятиэтажками – оно то и дело угрожало начаться ливнем, но пока удерживалось. Возможно, лишь благодаря тихим мольбам Верки: она была уверена, что дождь окончательно уничтожит её труд – мои тщательно накрученные кудряшки.

Когда подъехал автобус, мы облегчённо вздохнули – он оказался не переполненным; хотя сидячих мест всё равно не было, мы удобно устроились у задних окон и смотрели сквозь пыльную гладь на ночные улицы города. Фонари постепенно зажигались вдоль дороги, а окна домов вспыхивали светлячками, оживляя мрачную атмосферу.

Я слышала обрывки разговоров девчонок, но почти не обращала на них внимания – мои мысли полностью были заня-

ты предстоящей вечеринкой и Марком.

Он сегодня даже не попытался написать мне ни одной смс – видимо, моё вчерашнее замечание его сильно задело. Как будто прочитав мои мысли, Дашка легонько толкнула меня в бок:

– Ну что ты молчишь? Может быть, расскажешь, наконец, почему вы опять поссорились?

Мне было понятно: ей не столько важны причины ссоры; скорее она просто ищет способ оживить болтовню в дороге. История с Марком для неё – скорее дополнительная тема разговора.

– Ты представляешь, он сунул ей деньги! – вставила Верка вместо меня.

Я моментально вспыхнула:

– Откуда ты...

– Я всё знаю, дорогуша! – усмехнулась рыжеволосая подруга, отбрасывая игривую прядь локонов назад за плечо.

– Погодите-ка! – вскрикнула Дашка, слегка обиженно надувшись. – А я? Почему все знают кроме меня?!

– Хотела, чтобы Белка сама тебе рассказала... – ответила Верка беззаботно, устремив взгляд в окно автобуса, – Но разве наша молчунья хоть когда-то посвящала нас в свои тайны...?

Меня это начинало выводить из себя по-настоящему: скрытая насмешка подруг добавляли масла в огонь моего настроения.

– Софи? – Дашка окликнула меня, и я нехотя перевела на нее свой усталый взгляд. Она медленно протянула:

– Ну, расскажи... – и тут же пристроилась на мое плечо, ожидая начала разговора.

Я тихо пробормотала:

– Нечего рассказывать! – угрюмое выражение на моем лице ясно давало понять, что ничего хорошего она от меня не услышит. Но решимость Верки была, как всегда, непоколебима.

Она не сдавалась:

– Он сунул ей деньги в карман, как будто она... – я злобно грянула на Верку. Ей хватило моей реакции – она осеклась и поспешила отвернуться, чтобы не ляпнуть ещё одну глупость и не стать объектом моей ярости.

– Оу... – протянула Дашка.

– И это выглядит... – начала снова Верка.

Я зажмурилась и не выдержала, гневно шепча сквозь зубы:

– Как будто я какая-то... проститутка!

И тут, на весь автобус раздалось оглушительное Дашкино:

– А вы что, переспали?

Весь салон замер. Пассажиры затихли, их взгляды устремились в нашу сторону, а глаза самой Дашки расширились до невозможных размеров. Я схватила её за рукав, пытаюсь утихомирить, но та хихикала и прикрывала рот ладонью. В её глазах снова блеснул вопрос, вымаливая продолжение на-

шей драмы. Я зло прошептала:

– Нет! Мы не переспали!

– Тогда не понимаю, – спокойно отозвалась Дашка, пожимая плечами и обменявшись взглядами с Веркой. – Что тут такого?

Верка тут же встряла, как всегда, со слишком упрощённым взглядом на вещи:

– Просто наша мисс «неприступная крепость» недовольна тем, что её парень заботится о ней таким образом!

Ее слова буквально пригвоздили меня к окну. Вцепившись взглядом в стекло, я старалась не разозлиться ещё больше. И я уже была на грани. Но Дашка решила добить меня словами, будто её совсем не заботило мое настроение:

– Софи, ну чего такого? Парень просто хотел как лучше...

– Мне не нужны его деньги! – буркнула я в сердцах, сама уже не понимая, на кого больше злюсь: на Марка за очередной жест, подчёркивающий пропасть между нами; на Дашку за её вечную назойливость; на Верку за способность знать всё обо всех; или на себя из-за неспособности справляться с эмоциями.

Дашка прищурилась, явно изучая моё выражение и пытается выудить ответ:

– Да почему ты на него так взъелась? Всегда у тебя какие-то странные причины для ссор. То он на тебя не так посмотрел, то написал слишком поздно.... Ну, честно!

Я молчала. Это молчание тяготило меня – я действитель-

но чувствовала себя той самой стервой, которая изводит бедного парня. Может, так оно и было. Но вместо того чтобы успокоиться и оставить тему, Дашка продолжала:

– Знаешь, любая другая была бы только рада. Вот я бы точно не отказалась от пары пятитысячных купюр. Почему ты такая злоюка?

Её слова звучали логично – я не могла возразить. Но ответ всё равно не последовал. Я отвернулась к окну и смотрела в своё отражение, пытаюсь понять: кому направлена эта растущая обида?

Я чувствовала внутри себя клубок странных эмоций – горечь от осознания какой-то внутренней вины и болезненное ощущение притворства.

Ромка однажды мудро сказал про мои ссоры с Марком:

– Мне кажется, ты придумываешь их буквально из воздуха. Просто больше не хочешь быть с ним. Так зачем тянуть? Расстанься!

Тогда его слова вызвали мой язвительный ответ, но сейчас я мысленно кивала в согласии. Может быть, он был прав. Кажется, я искала повод покрупнее для того, чтобы поставить точку в наших отношениях. Хотя Марк часто сам давал мне эти поводы, но я оттягивала момент расставания – словно боялась остаться одна.

«Эгоистка», – подумала я и тут же решила, что сегодня же поговорю с Марком.

Даже если не расстаться окончательно – ведь такие дела

не решаются в один миг, — то хотя бы извинюсь.

Глава 3

Музыка оглушала, как только я подошла к парадным воротам. Она заполняла пространство густым слоем звуков, будто ставя перед входом невидимую преграду. Но преграду только для меня. Моих спутниц не могло смутить ничего!

Дом Марка выглядел как олицетворение праздника. На крыше висели переливающиеся гирлянды, плавно сливаясь с архитектурой здания. За узкими высокими окнами двигались силуэты гостей, которым-то на долю секунды удавалось скрыться за тенью, то они становились яркими фигурами под светом прожекторов.

Этот дом в своем величии кричал не только о состоятельности его хозяев, но и о тонком вкусе, который я всегда считала себе недоступным. Здесь все – начиная от автоматических ворот и заканчивая мелочами в интерьере – источало утонченность. Даже лампочка огромной хрустальной люстры холла была настолько дорогой, что ее стоимость могла сравниться с ценой нашей крохотной квартиры в хрущевке. Дом словно утверждал собственный статус:

«Меня не просто построили за миллионы – я полноценный образ жизни».

И каждый предмет интерьера лишь дополнял это высказывание.

Верка и Дашка, как всегда, восторженно разглядывали

особняк, будто впервые видели его. Я зашагала к входу, даже не удосужившись взглянуть на блестящий автомобиль цвета синего металлика, припаркованный перед домом (подарок Марку от богатенького папочки!). Его лакированные бока мерцали отраженным светом так же ярко, как ночное небо с множеством звезд.

– Как думаешь, Марк точно покатает нас на этой машине?

– Я просто в восторге!

– Было бы здорово, если бы он согласился!

– Боже, посмотри, какая она великолепная!

Реакция моих подружек была предсказуема: какую-то металлическую конструкцию они превратили в предмет желания или даже восторга. Конечно, машину такого уровня я еще никогда не видела.... Да и у нас во дворе едва ли можно встретить что-то лучше старого пикапа-развалюхи. Но весь этот напыщенный шик меня раздражал.

Я потянула за дверную ручку и почувствовала привычное сопротивление массивной металлической конструкции – дверь была тяжелая, но открылась легко. Хозяин дома никогда ее не закрывал.

– Вы идете? – бросила я через плечо тем, кто не мог налюбоваться автомобилем.

Верка из последних сил оторвалась от обозревания «Мерседеса» и поспешила ко мне. Но когда я заметила Дашку...

– Она что... поцеловала машину в фару?! – с гримасой отвращения я повернулась к Верке.

Моя подруга усмехнулась, наблюдая за выражением моего лица, но меня уже было не остановить:

– Это же отвратительно!

– Она просто шикарна! – восторженно пропела Дашка и подошла вприпрыжку к нам. – Софи, ты должна уговорить Марка покатать нас!

Я ничего не ответила, просто шумно выдохнула и перешагнула порог дома, внутренне убеждая себя в том, что ни за что не стану просить Марка об этом.

Внутри творился настоящий хаос. Холл был наводнен подростками, которые беспрерывно двигались туда-сюда. Они заполняли лестницу, сидели под ней, толпились у диванов и переполняли проходы так плотно, что шагу было негде ступить. Даже рядом с вешалкой для верхней одежды стояла целая куча людей – на ней уже давно не оставалось места для еще одной куртки.

– Мне кажется, сегодня народу здесь вдвое больше, чем обычно? – протянула Дашка, окидывая помещение взглядом.

– Определенно больше! – усмехнулась Верка. – И посмотри, сколько здесь красавчиков!

Мы ловко перехватили взгляд одного из проходящих мимо парней. В нём читался неприкрытый интерес, который, несомненно, подогревался улыбками довольных Дашки и Верки. Казалось, ещё чуть-чуть – и слюни бы потекли у девочек, так неподдельно они умилялись.

– Нам срочно нужно с ним познакомиться! – выдала вдохновлённая Дашка, схватив рыжеволосую подругу за руку и увлекая её в гостиную вслед за объектом их внезапного обожания.

– Но... – начала было я, но не успела остановить их. Последнее, что мне удалось заметить – это шустро прыгающие рыжие кудряшки Верки, которые тут же исчезли в гуще танцующих подростков. – Спасибо за компанию! – крикнула я им вслед с надеждой, что мой голос всё же доберётся до их ушей.

Но сомнения брали верх – шум вечеринки был невыносимым. Музыка перекрывала все звуки, влетая в мои уши с такой оглушающей силой, что ей казалось мало места, и она пыталась разорвать перепонки.

Пришлось плотно закрыть уши ладонями, чтобы хоть немного слышать собственные мысли. Однако недолго пришлось наслаждаться этой иллюзорной тишиной. С лестницы донёсся знакомый, крайне неприятный голос. Я вскинула голову и увидела Нату – Наталью Снежную. Её образ был привычно отточен до идеала: тонкий носик, пухлые губы и умело подобранный стиль создавали образ миловидной брюнетки, которой не стыдно любоваться.

Ната шла в сопровождении своих неизменных молчаливых «телохранителей», одноклассников Марка. Они следовали за ней без разговоров, выполняя роль не более чем фонового смеха ее остроумия.

– Привет, Белка! – ледяным тоном бросила Ната, приблизившись ко мне и скрестив руки на груди, высокомерно осматривая меня с головы до ног. – Выглядишь не очень.... Впрочем, как и всегда.

– И тебе добрый вечер, – пробормотала я в ответ, стараясь не втягиваться в её привычные провокации.

– Не думала тебя здесь сегодня увидеть, – продолжила она со злорадно приподнятой бровью.

– Это почему же? Боялась, что десятый слой туши тебя ослепит? – парировала я, пытаюсь зеркально повторить её позу, приподнимая бровь в ответ.

Ната огляделась по сторонам с таким видом, будто боялась чужих ушей, шагнула ближе, и её резко сладкий парфюм ударил прямым в мой нос.

– Марк сказал, что вы расстались, – произнесла она с хищным блеском карих глаз и надменной улыбкой на лице.

Я ощутила, как внутри меня начал закипать вулкан из негодования.

Лицо Снежной всегда выводило меня из равновесия, но важно было держать себя в руках. Её презрение ко мне было взаимным. Возможно, причиной моей неприязни был тот факт, что она скрыто, а иногда и вполне откровенно проявляла свои симпатии к Марку даже в моём присутствии. Сам Марк всегда оправдывал её поведение: мол, это просто её стиль общения – наивные оправдания.

– А еще он сказал, что ты надоедливая лицемерка, может,

поэтому сейчас он не с тобой? – выпалила я язвительно и натянула злорадную улыбку.

Наталья зловеще прищурилась. Карие глаза вспыхнули смесью злости и обиды – это было вполне предсказуемо и одновременно приятно для меня. Пока она собиралась с мыслями и строила очередную колкость в своей голове, я ловко скрылась в толпе танцующих.

Моя ярость кипела подступающими волнами. Пыхтя от гнева, я пробиралась сквозь толпу танцующих и случайно наткнулась на Верку. Она вместе с Дашкой отплясывала в самом центре зала. Их счастье просто переливалось через край. Здесь, где всегда сосредотачивалось множество парней, они чувствовали себя гораздо лучше, чем я. И лица этих парней каждый раз казались мне незнакомыми. Возможно, это были одни и те же гости, не раз бывавшие здесь, но я раньше просто не обращала внимания или старалась их игнорировать.

«Нет, Софи, ты просто всё время прячешься в тени, вместо того чтобы стать частью мира своего парня», – упрекнула себя я в мыслях.

– Софи! – радостно вскрикнула Дашка и схватила меня за руки выше локтя. Её глаза блестели в свете софитов. – Ты должна потанцевать с нами!

– Обязательно! Когда-нибудь, например,... никогда?! – резко ответила я, оглядываясь по сторонам. – Вы Марка не видели?

Верка, не прекращая танцевать, прислонилась ко мне спиной, её рыжие кудри оказались прямо перед моим лицом.

– Наверное, он в баре... – сказала она между движениями.

– И если ты туда пойдёшь, принеси нам чего-нибудь! – радостно крикнула Дашка, перекрывая громкую музыку.

Избавившись от её хватки, которая оказалась неожиданно сильной для нашей хрупкой «Мышки», я оставила девчонку в центре толпы. Казалось, что это место стало эпицентром дорогого парфюма и взмокших, липких тел. Толпа буквально выплюнула меня наружу, и я едва не свалилась на барный стол. Бутылки зазвенели; пара парней удержала их на месте и зыркнули на меня так угрожающе, будто я попыталась разрушить их импровизированный алтарь.

– Ну, ты ненормальная! – выкрикнул один из них.

Его лицо показалось мне знакомым. Я долго копалась в памяти, стараясь вспомнить имя.

– Игорь? – наконец предположила я.

Парень закатил глаза так театрально, что это больше походило на спектакль.

– Вообще—то я Кирилл! – сквозь раздражение ответил он, бросив на меня взгляд, полный презрения, которое вскоре сменилось на более мягкое выражение. – А ты вроде как, бывшая девчонка Марка?

– Бывшая? – с раздражением прорычала я, но он, кажется, меня уже не слышал.

Кирилл продолжал смешивать какой-то странный напи-

ток в пластиковом стакане, переворачивая бутылки с ловкостью профессионального бармена.

– Кстати... – повысила голос я, чтобы привлечь его внимание. Приблизившись к нему, я добавила:

– Ты не знаешь, где я могу найти своего «бывшего» парня? Моё раздражение было настолько очевидным, что он усмехнулся и сам приблизился ко мне.

– Не злись, – весело сказал он и сунул мне в руки стакан с мутной жидкостью. – Вот, лучше выпей!

Сложив руки на бедра, Кирилл смотрел на меня выжидающе. Я с опаской глянула на содержимое стакана, пытаюсь рассмотреть его дно, но мутная жидкость полностью скрывала его. Невольно содрогнулась при мысли о том, насколько крепким мог быть этот коктейль.

– Ну же! – поторапливал Кирилл. – Я назвал этот коктейль «Виновник». – Он развёл руками в демонстративном жесте и вновь вперил в меня свой ослепительный взгляд.

Скрепя сердцем, я сделала глоток из стакана. Терпкий вкус сразу же свёл рот и обжёг язык настолько сильно, что у меня невольно вырвалось:

– Это же ужасно!

Кирилл надул губы как обиженный ребёнок и выдернул стакан из моих рук:

– Иди, попроси себе яблочный сок! Малявка.

Он тут же сделал несколько уверенных глотков из того самого стакана и даже бровью не повёл.

– Так что насчёт Марка? – снова спросила я, уже настойчиво.

Парень одним глотком осушил мутную жидкость в своём стакане, после чего слегка повёл плечом:

– Пару часов назад видел его в каминной... – проговорил он, сделав шаг ко мне и вновь заглянув в лицо своими блестящими глазами превосходства. – Хотя, похоже, сейчас он слишком занят, красавица, так что...

Я прикусила губы, чтобы удержать тот хаос мыслей, что бурлил у меня в голове.

Картины, всплывающие в сознании, не были ни радостными, ни приятными. Вдохновлённая первой из них, я представила себе Марка с какой-нибудь очередной девушкой, которая решила повеселиться этим вечером с богатым сынком. Таких охотниц за его вниманием всегда хватало!

На дрожащих ногах я медленно двинулась в сторону каминного зала, вспоминая её расположение в этом огромном доме. Коридор был слабоосвещённым, музыка становилась приглушённой, и я остановилась. Неприятное ощущение тут же охватило мои лёгкие, они сжались до предела, заставляя меня почувствовать, что воздух вдруг исчез. Шпонированные двери перед глазами начали плясать и сливаться с деревянным потолком и стенами коридора.

– Расстались?! – прошептала я яростно, стараясь собрать последние остатки самообладания, которых уже почти не осталось. Голова шла кругом.

Пара глубоких вдохов возвратил меня в реальность, но мгновение облегчения быстро сменилось раздражением: на Марка, на шумную толпу гостей за стеной – их веселье было так далеко от моих переживаний.

Сделав несколько неуверенных шагов, я услышала мужские голоса за плотной дверью. Затаив дыхание, я приблизилась и прижалась к поверхности дубовой двери.

– Ты что, не понял меня? – донёсся оттуда громкий голос. – Мы ведь не многого просим! – продолжил тот же человек настойчиво.

– Ребята... – подал голос Марк. Неуверенный, а точнее пьяный тон был мне сразу понятен. – Это дела моего отца...

– Заканчивай пиздеть! – резко перебил его тот же мужской голос. Его голос становился всё жесте и яростнее, – Если ты будешь вести себя как тряпка, то не доживешь до того времени, когда эти дела будут твоими...

Я замерла. Холодок пробежал по позвоночнику – предчувствие не сулило ничего хорошего. Ладони вспотели; кажется, очередная неприятная история накрывала Марка с головой. А если замешан его отец... ожидать чего-то положительного бессмысленно.

– Не знаю... – пробормотал Марк устало. – Если отец узнает... он убьёт меня...

– А если ты этого не сделаешь, тогда...

Я ворвалась в комнату так стремительно, что даже сама удивилась своей скорости. Гневный вопрос слетел с моих губ

раньше, чем я успела остановить себя:

– Тогда что?!

Шесть пар глаз и растрепанный затылок Марка смотрели на меня сквозь плотное облако табачного дыма, заполнявшее каминный зал. Из всей компании мне был знаком только Марк, точнее – кудряшки его затылка, проглядывающие сквозь дымовую пелену. Остальные оказались совершенно другими, не принадлежащими к привычному кругу его друзей – явно старше, и все до единого привлекательные. Казалось, передо мной ожили глянцевые постеры с фотомоделями: четкие черты, фактурные лица и идеальные тела. Легко себе представить, как бы всё это восхитило моих двух подруг, которые всегда питали слабость к таким брутальным типажам. А вот я... Я ощущала странную тошнотворность – то ли от перенасыщенной атмосферы тестостерона, то ли от удушающего табачного смога, а может, от их взглядов. Ведь абсолютно каждый из них (кроме Марка, естественно) смотрел на меня с пренебрежением, в котором едва угадывалась доля насмешки, будто оценивающей и укоряющей одновременно.

Двое темноволосых парней стояли у камина, один сидел на подоконнике как хозяин положения, его лицо скрывали тени портьеры. Ещё двое светло-русых, расположились на диване напротив Марка, недвусмысленно усмехаясь, как будто наблюдали за наивным ребёнком. Парень около низкого столика с бутылками выглядел неприветливо. Его вид

был пугающим. Темные, коротко стриженные волосы и глаза, почти черные, глубоко посаженные глаза смотрели остро. А Марк... он сидел ко мне спиной на кожаном диване; его опущенные плечи говорили больше слов: он был подавленным и явно растерянным. А может и в стельку пьяным!

– А это ещё что за красotka? – пробасил тот самый парень у стола картавым голосом, отпивая из бокала алкоголь бордового цвета.

Марк неохотно оглянулся через плечо, с трудом улавливая меня разбирающимся в разные стороны взглядом и ворочая языком, он промямлил что-то невнятное. Его затуманенный взгляд вызывал неудержимое отвращение. Игнорируя мою скорченную в напряжении и раздражении гримасу, он вдруг заговорил:

– Ребята, это Софи... – Марк попытался небрежно откинуться на диван, но каждое его движение несло на себе печать выпитого. – Познакомьтесь... – добавил он, словно пытаясь сохранить видимость легкости.

Шесть пар, пристально изучающих меня глаз, снова оценили меня вполне осуждающе.

– Софи... – протянул картавый, словно пробуя на вкус мое имя, и я вздрогнула. Стараясь скрыть дрожь, переплела руки перед грудью, заключая их в узел. – Твоя девчонка? – с особой интонацией выговорил черноглазый, криво натянув подобие улыбки. Это выражение лица было неприятным и даже отталкивающим.

– Да, – с вызовом, подняв голову, ответил Марк. И повернувшись ко мне вполоборота, добавил, – Иди, потанцуй, крошка, я скоро приду...

– Заткнись, Марк! – процедила я сквозь зубы. Он тяжело опустился на диван, весь его вид источал усталость и безразличие. Я отвернулась, чтобы больше не смотреть на него – это становилось просто невыносимо! Сделала уверенный шаг вперед, приближаясь к дивану за которым сидел Марк. Парень у столика не переставая пялился прямо на меня, и я вновь спросила:

– Тогда что?!

Не знаю, откуда во мне нашлась такая решительность, чтобы требовать ответа у того, кто глядел на меня из-под густых темных бровей с выражением почти угрожающей насмешки.

Марк шумно выдохнул, схватил стакан со стола, с трудом не расплескав его содержимое, и сделал глубокий глоток. Двое мужчин напротив синхронно откинулись на спинку дивана. Оба были белобрысыми и худыми, их лица украшала насмешливая улыбка – нечто среднее между презрением и забавой, как если бы они наблюдали за капризами маленького ребенка, топающим ногой в требовании мороженого. Парни у камина бросили друг на друга быстрый взгляд. Один из них бросил на меня откровенно яростный взор, в котором угадывалась то ли ненависть, то ли отвращение, но его лицо тут же исказилось гримасой, неприятной до мура-

шек. Второй, с природно прищуренными глазами зловеще усмехнулся тонкими губами, добавляя в свою маску недоброжелательности. Тот, что сидел на подоконнике, скинул ногу на пол, и теперь тусклый свет лампы осветил его смуглое лицо. Он уперся локтями в колени, и его массивные плечи, обтянутые кожаной курткой, оказались внушительно мрачной деталью на фоне тьмы окна. Он усмехнулся – взгляд его янтарных, медово-золотистых глаз задержался на мне чуть дольше положенного, скользя сверху вниз с нескрытым интересом. От этого взгляда меня словно охватил мороз, мурашки пробежали вдоль позвоночника. Но я быстро перевела взгляд на другого парня – того самого, чей голос я услышала еще там, за дверью. Очевидно, он был лидером этой группы, внушавшей мне без утешения дикий страх.

– И что будет, если он не сделает того что ты просишь? – настойчиво повторила я свой вопрос, не собираясь отступать.

– Это взрослые дела, деточка, – пролепетал он своим картавым голосом, и, махнув рукой, словно я как надоедливая муха тут же выпорхну из комнаты. – Иди лучше потанцуй.

«Напыщенный индюк», – пронеслось у меня в голове.

Я раздраженно сжала губы и сделала еще пару шагов до центра комнаты. Теперь между нами был лишь журнальный столик и плотный слой непроницаемого смога в воздухе.

– Я тебе не деточка! – резко бросила я, пристально глядя ему прямо в глаза.

Наш зрительный поединок длился долгих пять минут. Все это время я дрожала от напряжения, сжимая мокрые от пота ладони в кулаки. Парень напротив, казался бесконечно спокойнее; его самоуверенность явно превосходила мою хрупкую решимость.

– Серёга... – слабо пробормотал Марк, обращаясь к главарю. Тот, наконец, отвёл взгляд от меня и лениво посмотрел на Марка сверху вниз с ноткой презрения. Марк сделал попытку подняться с дивана, но его силы быстро оставили его, и он вновь бессильно опустился обратно. С мутным взглядом, едва фокусируясь, он перевёл глаза на меня, – Правда, Софи... Иди лучше к своим подружкам трепаться про... помады или косметику...

Он предпринял новую попытку подняться, скорее всего, для того, чтобы выгнать меня из комнаты.

– Сядь, Марк! – резко сказала я на повышенных тонах. Он плюхнулся обратно на диван. – Ещё только восемь вечера, а ты уже надрался в слюни!

– Ой, не начинай, – едва ворочая языком, пробубнил он, закатывая глаза. – У тебя что, других дел нет?

Его одурманенное лицо начинало выводить меня из себя. Я отвернулась к камину – языки пламени танцевали в очаге, но в них я видела отражение своего гнева и раздражения. На моем месте, вероятно, любая другая поступила бы так, как просил Марк, но только не я. Почему же у нас постоянно все заканчивается так – неприятностями, которые неизбеж-

но преследуют нас?

Уйти в тот момент я не могла, особенно когда осознавала, в каком состоянии находится Марк и как легко его можно поставить в неприятное положение. Я снова почувствовала взгляд смуглого парня на себе и непроизвольно задрожала. Стоило лишь мельком понять, что он смотрит на меня, чтобы ощутить весь груз этого взгляда – он смотрел не просто на меня, а будто пронизывал мое нутро, заглядывая в самую душу. Но мне было все равно. Единственное желание в тот момент – встряхнуть Марка как следует и сунуть его кудрявую голову в камин в надежде, что алкоголь выгорит так же быстро, как его влажные от пота кудряшки.

Меня заметно трясло, напряжение сжимало лицо, даже зубы скрипели. Но я упорно заставляла себя держаться, несмотря на всё это внутреннее бурление.

– Я с места не сдвинусь, пока вы не объясните, в чем дело! И что вам нужно от Марка! – слова вырвались из меня так стремительно, пока решимость всё ещё держалась.

Серёга разразился громким, ядовитым смехом, его лицо осветила самодовольная улыбка.

– Бля! – усмехнулся парень, – Теперь ясно, у кого из вас яйца крепче! – я высоко подняла подбородок, демонстративно игнорируя его дерзкую реплику. – Упрямая ты, да? – добавил он резко, его тон неожиданно привлёк моё внимание.

– Вы что не видите, что он слишком пьян, чтобы даже ве-

сти себя адекватно? – бросила я с ледяной строгостью.

Смех разлетелся по помещению. Все шестеро хохотали, а Марк лишь попытался поддержать их звуком, больше похожим на хрюканье себе в грудь.

– Может, мне стоит позвонить его отцу? – хрипло бросила я, стараясь звучать уверенно. Уловив, как напрягся этот наглый тип с картавостью, я осознала, что попала точно в цель, задела за живое. Прищурившись, я демонстративно достала мобильник из заднего кармана. – Уверена, Игорю Борисовичу будет крайне любопытно узнать, чем занимаются шестеро недоумков в его доме!

Серёга подался вперёд, сократив расстояние между нами. Его взгляд стал острым и выжидающим, наполняя пространство между нами напряжением, почти физическим. Кажалось, воздух вокруг нас исчезает, уступая его тяжелому, нервному дыханию.

– Пиздец! Какая ты дерзкая! – внезапно озарился он и сменил свою вызывающую злость на удушающе фальшивое дружелюбие. – Не горячись, малышка! Сейчас всё утрясём, а там уже можешь забирать своего кавалера хоть к чёрту.

Под его пристальным взглядом мне стало совсем некомфортно – челюсть звонко задрожала. Но показывать слабость я не собиралась. Вскоре подняла подбородок и с внутренним приказом идти до конца ответила:

– Так давайте решим все вместе?!

– Решить с тобой? – противно сморщился Серега.

Я кивнула. Grimасы веселья за плечами Серёги стали более задорными – парни у камина вновь рассмеялись, но я даже не удостоила их взглядом. Все мое внимание было сосредоточено на том, как лицо Серёги багровеет от потери своей самоуверенности.

– Или что? Ваши дела настолько темные, что их нельзя решать при мне? – добавила я с вызовом.

Серёга ухмыльнулся – правда, эта ухмылка была какой-то зловещей.

– Ну, раз хочешь сыграть во взрослую жизнь...

Ответа он от меня уже не ждал. С грохотом парень поставил свой бокал на стеклянный стол, затем взял со стола второй и налил в него виски до краев, настолько, что напиток образовывал горку над стеклом. Толкнув стакан в мою сторону, он наблюдал за тем, как я ловко поймала его прежде, чем тот оказался разбитым на полу. Меня саму удивила моя ловкость.

На стеклянной поверхности стола остался влажный след от передвижения бокала – тонкая полоса, мерцающая отражением огня из камина. Я несколько секунд просто смотрела на нее, прежде чем вновь выпрямиться и крепко сжать стакан. В руке он заметно дрожал.

– Хочешь говорить по-взрослому? Тогда сначала выпей.

Серёга вновь ухмыльнулся – самодовольная и отвратительная гримаса растянулась на его лице. Парни на диване синхронно подались вперед, поднимаясь от мягкой спинки.

Кожа дивана натужно скрипнула под их движением.

В этот момент я почти одумалась... но было уже поздно. Решительным движением я сделала несколько крупных глотков и опустошила стакан до конца. Сморщившись от сильного вкуса алкоголя, я вытерла рот тыльной стороной ладони. Игнорируя тошноту от горячей жидкости, растекающейся внутри груди, я всё же заставила себя взглянуть на них с вызовом.

Сергея рассмеялся, отпуская очередной комментарий:

– У твоей девчонки аппетит что надо!

Марк даже не смотрел в мою сторону, углубившись в созерцание стеклянной столешницы, как будто пытаюсь найти в ней точку опоры. Я же, справившись с приступом тошноты, поставила стакан на стол так звонко, что звук будто резанул воздух, и снова бросила вызов взглядом в сторону Сереги.

– Ну что, теперь поговорим?

– Не спеши, – протянул он лениво, взяв со столешницы пачку сигарет.

Он извлек одну, зажав между тонкими губами. Щелчок зажигалки означеновал начало ритуала: тугая затяжка, и кончик сигареты тут же раскалился, словно жар из недр ада.

– Давай продолжим, – вымолвил он через сжатые зубы, не вынимая сигареты изо рта. Затем налил очередной стакан до краев и себе плеснул немного виски.

Стакан вновь скользнул ко мне по гладкой поверхности. Я остановила его уже не так ловко, как первый: алкоголь за-

струился по пальцам и стек на ковер.

«Марка вы так же споили?»— хотела спросить я, но что-то мне подсказывает, что этот тупица успел напиться самостоятельно! А встреча с этой компанией лишь ухудшила его состояние.

– Я больше не стану пить! – объявила я резко.

– Тогда проваливай! И хватит строить из себя мужика! – бросил Серега с насмешкой.

Краска залила мои щеки: то ли от выпитого алкоголя, то ли от злости, бурлящей внутри. Не раздумывая, я взяла стакан и осушила его в три глотка, каждый из которых будто протестовал, заставляя жидкость тут же попытаться вырваться обратно. Противный вкус сильно щипал в горле и заструился каплями по подбородку и шее, просачиваясь внутрь рубашки. Но одежда и без этого стала влажной – я покрылась потом почти мгновенно.

– Белка... ну чего ты... – попытался вмешаться Марк, явно стараясь придать своему лицу трезвый вид, хотя это у него получилось только наполовину.

– Молчи! – рявкнула я сквозь зубы, гневно сверля его замутненным взглядом. – Вечно ты влезешь в какую-то дурь!

– Эх, эти парни... – с удовольствием промолвил Серега. – Никогда не понимают вовремя, во что вляпываются. А когда понимают... уже поздно.

Размытые лица парней сменились пляшущими тенями в

моих глазах, комната словно начала уплывать. Огонь в камине двигался нереалистично медленно: языки пламени вырастали и угасали так плавно, что казались чуждыми в этой реальности.

А Серега всё не унимался:

– Единственное спасение для таких, как они – это девчонки. Ты, например, Белка.

Меня вдруг охватила сильная усталость. Тело перестало дрожать, но руки ощущались тяжелыми, словно налитыми свинцом. В желудке больно свело – отравление алкоголем давало о себе знать. Но я старательно убеждала себя и окружающих, что держусь бодро.

– Теперь поговорим? – внезапно спокойным тоном произнесла я, избегая прямого взгляда на Серегу.

Всё вокруг вращалось настолько интенсивно, что казалось: ещё одно неосторожное движение – и я упаду в обморок. Я закрыла глаза на мгновение, надеясь, что это поможет, но легче не стало. Стены передо мной заходили в ещё более хаотичный танец. Чтобы хоть как-то сосредоточиться, я устремила взгляд на маленькую точку на столе. Это была капля виски. Резкого, неприятного, вызывающего тошноту виски!

– Нет! – разразился смехом Серега. Краем глаза я заметила едва уловимые движения его рук. – Ты прикольная мадам, правда.... Но эти темы явно не для твоих нежных ушек, Белка.

Я хотела возразить ему – сопротивляться было необходимо хотя бы ради оставшихся сил. Но язык тяжело ворочался во рту, а слова спутались в голове. Единственное, что я могла сделать в этот момент – сжать зубы и надеяться, что внешне мои нервы выглядят сильнее внутренних потрясений.

– Волк! – вдруг окликнул кого-то Серега.

От неожиданности я вздрогнула и посмотрела на них вновь. Человек с подоконника поднялся, и его высокий, внушительный силуэт показался почти пугающим в своей массивности. Серёга даже не взглянул на парня, который подошёл к нему вплотную.

– Составь-ка нашей милой мадам компанию. Ты ведь не против, Марк? – произнёс он небрежно.

Парень лишь махнул рукой, которая безвольно упала на диван.

Кретин!

– Вот и славно, – продолжил Серёга, но его голос звучал для меня словно издалека, уже незначительный и приглушённый, – Уведи ее. Сейчас же! – прошипел Серега.

Темноволосый парень, со смуглым лицом и в кожаной куртке, оказался прямо напротив меня неожиданно быстро. Я не удержалась и чуть пошатнулась, но старалась сохранить равновесие. Собравшись с силами, уставилась на его раскалённый, пляшущий взгляд.

– Только попробуй меня тронуть! – бросила я, едва выдавив это через стиснутые зубы. Все остальные слова беспоря-

дочно путались где-то в голове.

«Волк? Что за странное прозвище? Кто они вообще такие? Чего они хотят?» – целая буря мыслей пронеслась в голове. Скользящий паркет под ногами только усиливал чувство нереальности происходящего:

«Какого чёрта здесь происходит?!»

– Я могу помочь тебе выйти, – прошептал тот самый Волк, приблизившись настолько, что его горячее дыхание коснулось моего лица. – Или заставить...

На мгновение меня охватил страх. Больше всего я боялся за свою жизнь, ведь этот парень своим суровым обликом явно внушал опасность. Казалось, что, если бы он решил схватить меня, мой хрупкий корпус не выдержал бы его силы. Моя решительность и стремление понять, что этим парням надо от Марка, вдруг начали рассеиваться, поскольку виски в моем желудке медленно поднялся вверх, оставляя неприятное ощущение.

Для полного позора именно этого сейчас не хватало!

– Я сама, – ответила я, отчаянно сдерживая желание просто рухнуть на месте.

Очевидно, мой уход выглядел глупо: парни за моей спиной громко рассмеялись, их хохот эхом доносился до двери. Но как только я вышла в коридор, напряжение немного отпустило. Во-первых, свежий, прохладный воздух помог унять вихрь эмоций. А во-вторых, я наконец-то перестала быть объектом унижительных насмешек – хоть какое-то об-

легчение.

Дверь захлопнулась за спиной. Хотелось бросить всё – убежать прочь, без оглядки, подальше от этого дома, от этой компании, из этих отношений, от этого придурка Марка, который не может постоять даже за себя! Но, я задержалась в коридоре, опираясь рукой о стену. Но даже она предательски качалась под моей ладонью, будто пытаясь сбросить меня обратно в свою хаотичную действительность. Музыка с басами всё ещё звучала где-то вдали, казалось, из другого мира, а противный голос Серёги вновь прорезал тишину из-за дверей. Я уже не могла разобрать его слова – все мои силы были направлены только на то, чтобы стоять и дышать.

Вдох... ещё один.

Я сосредоточилась на крохотной пылинке на ковре перед собой – она будто бы стала моей опорой, единственной точкой равновесия в этом странном водовороте.

«И зачем я вообще позволила себе играть в эту фальшь?» – мелькнула мысль сквозь удушающую тошноту самобичевания. – «Пусть Марк сам разбирается со всем этим дерьмом! С меня хватит!»

Громко выдохнув, я решила обернуться... и внезапно отскочила от неожиданности. Парень оказался прямо за моей спиной, его присутствие было настолько бесшумным, что я совершенно ничего не заметила. Моя реакция, кажется, развеселила его – на лице мелькнула едва уловимая улыбка, напомнившая мимолётный отблеск.

– Всё хорошо? – спросил он низким, бархатным голосом.

Я с трудом проглотила комок в горле, неожиданно поняв, что этот ком возник не из-за внезапного появления этого парня, а скорее от выпитого алкоголя. Неприятное чувство разлилось по гортани, пока стены вокруг меня начинали вновь танцевать в хаотичном ритме. Взор скользнул на смуглое лицо с янтарными глазами, мерцающими в полумраке.

– Хорошо, – тихо ответила я, голос звучал неуверенно, я схватилась за голову, в отчаянной попытке удержать свой разум, – Наверное.

Он сделал шаг в мою сторону, и это вызвало у меня рефлексивное желание прижаться к стене. Его присутствие было ощутимым – жарким, как раскаленная печь. Обжигающие мурашки пробежали по моей спине, застыв где-то у основания черепа.

– Что предпочитаешь? – спросил он, не отворачивая внимательного взгляда. – Ещё выпьем? Поговорим? Потанцуем?

– Я не буду с тобой танцевать! – пролепетала я, пытаюсь придать голосу хоть немного твердости, но он звучал растерянно, пьяно.

– Жаль, – парировал он с искренностью, от которой у меня съезжилась все внутренности. – Ты бы не пожалела...

Его дыхание обжигало мой лоб, заставляя меня непроизвольно задрать подбородок, чтобы заглянуть ему в глаза. Это движение будто всколыхнуло всё внутри, вызывая дрожь. Мгновение он изучал мои глаза, словно искал отве-

ты на невысказанные вопросы. Потом я ощутила его руку на своей пояснице, а затем и на своем плече – сильные и горячие пальцы удерживали меня от падения, ведь собственные ноги уже подводили.

– Ты явно перебрала с алкоголем...

Я попробовала изобразить злобную улыбку на своем лице.

– Иди ты...

Он снова скользнул по мне взглядом:

– К черту, я так понимаю? – я крепко сжала губы, сдерживая то отвратительное чувство, которое бурлило внутри меня, в то время как он криво ухмыльнулся. – Ты хоть идти можешь?

Вместо ответа я резко отпрянула, словно в панике. Его руки оторвались от меня, оставив за собой странное ощущение – волна прошла по всему телу, от кончиков пальцев до корней волос. Желание вернуть эти руки было почти болезненным, терзающим меня изнутри.

Сделав попытку шагнуть вперед, я вновь пошатнулась и оказалась в его объятиях. Между нами оставалось всего несколько миллиметров, а его янтарные глаза сияли в темноте, как огоньки невидимого мира. Его грудь была твердой и обжигающе горячей; руки одновременно сильные и удивительно нежные – такие нежные, что мне стало трудно дышать, словно воздух исчез.

Будто угадав мои мысли, он мельком улыбнулся:

– Дыши хотя бы.

Я послушно вдохнула полной грудью, но этот вдох тут же вызвал бурю внутри меня.

– Уоу! – пропел он шутивно и, легко подхватив меня на руки, добавил, – Только не испорти ковры!

Я беспомощно обмякла в его сильных руках, наблюдая, как стремительные шаги несут нас через коридор. Музыка становилась громче – каждая нота звучала фоном к моему внутреннему хаосу. Вскоре потолок гостиной мелькнул перед глазами, снова поднимая тревожной волной алкоголь. Я сжала рот ладонями.

– Расступись! – громко приказал он толпе, удивительно радостным голосом, проворно проскользнув сквозь её густую массу, – А ты не вздумай сделать это на меня!

Я прижала ладони ко рту сильнее, отчаянно пытаюсь справиться с порывами подступающей рвоты.

Всё стало происходить так быстро: вспышка хрустальной люстры над холлом; дверь туалета распахнулась; яркий свет лампочек залил красный потолок уборной; щелчок заветки оповестил об одиночестве внутри маленькой комнаты. Я оказалась на полу перед унитазом – символом моего личного позора.

«Браво, София», – мысленно укорила я себя. – «Это самое ужасное, что ты могла сделать!»

Желудок сжался и разжался в мучительном ритме, выдавая наружу всю мерзость внутреннего беспорядка. Я была уверена – от одного взгляда на происходящее меня снова

могло вывернуть наизнанку, поэтому я жмурилась. Я чувствовала, как отвращение разрывает меня изнутри: желудок извергался, словно готов был выпустить какую-то неведомую тьму. Неожиданно я ощутила, как чьи-то теплые пальцы аккуратно собирают мои кудри, поддерживая их на затылке.

– Не смотри, – простонала я сквозь рвущийся рвотный рефлекс. – Пожалуйста, не смотри...

Парень рассмеялся, будто все происходящее забавляло его.

Он присел рядом, так близко, что мне захотелось провалиться сквозь кафельный пол уборной. Пусть даже в самые жуткие глубины ада – только бы он не видел меня в таком состоянии.

– Я и не такое видел, дорогуша, – произнес он.

Голос его показался мне слишком мягким для человека с кличкой Волк. Я зажмурилась, чтобы вновь не встречать реальность: его смуглое лицо с трудом сочеталось с таким ласковым и почти бережным тоном.

– Не переживай, – продолжил он, поглаживая мою голову или поправляя волосы, я так и не смогла понять. – Никому не скажу о нашей милой встрече в туалете.

Его слова звучали как издевка, но это было удивительно тепло, по-своему приятно. Желудок снова болезненно сжался, и изо рта вышло что-то тошнотворное. Все это время парень оставался со мной, аккуратно придерживал мои волосы, пока я находилась у белого фаянсового «спасителя».

Единственный вопрос сверлил в моей голове:

Почему он здесь? Почему помогает?

Последнее, что запомнилось — поток воды в унитазе смы-
вал все следы моей слабости в канализацию. А затем теплые
руки бережно взяли мое лицо, и он обтер меня влажным по-
лотенцем. После этого меня окутала темнота: тишина, спо-
койствие и беспечность стали моими единственными спут-
никами.

Глава 4

Голова раскалывалась на части, словно внутри устроила пляски целая рок-группа, а во рту... боже, да там, кажется, кто-то забыл старые ношенные носки! И вообще, проснулась ли я? Открыть глаза – это как добровольно взглянуть в недра ада и ослепнуть от блеска костров! Страшно и невероятно больно. Под спиной – нечто, напоминающее пыточный станок инквизиции, а не кушетку. Явно лежу в позе креветки-переростка, потому что при попытке перевернуться ноги взбунтовались и сыграли мне «Лунную сонату» судорогой.

– Ауч! – просипела я, словно старый сломанный аккордеон.

В голове, как назойливые мухи, замелькали обрывки вчерашнего хаоса. Вечеринка, этот мерзкий «виновник», пьяное лицо Марка, высокомерная ухмылка Серёги, а потом... этот тошнотворный виски! Стены коридора, словно пьяные матросы, плясали передо мной, следом... смуглое лицо парня с глазами цвета янтаря, кошмарная уборная, белый фаянсовый трон... Бррр!

Веки задрожали, как сломанные крылья бабочки, и вот, наконец, сдались и распахнулись. Серый, тоскливый день ударил в глаза, будто кувалдой. Я заморгала, как крот, вылезший из норы, пытаюсь понять, где же я, собственно, нахожусь.

Салон старенькой иномарки приветливо отозвался скрипом сиденья, когда я попыталась принять вертикальное положение. Схватила за край, как утопающий за соломинку, иначе рисковала вновь рухнуть в мир грёз. Казалось, машина плывет по волнам, а я вместе с ней, и предательский желудок снова закрутило в бараний рог. Впрочем, тошнить было нечем, он был пуст. Я поняла это по его жалобным стонам.

Сфокусировав взгляд, я поняла, что точно в машине. За окнами – мрачный, депрессивный лес, окутанный туманом, словно привидением, а с другой стороны – такое же унылое серое небо. И прямо у капота, облокотившись на машину бедром, стоит темная фигура в кожанке. Да это же!.. Его силуэт не просто знаком, он подозрительно знаком!

Я поморщилась, вспомнив, как прижималась к его груди, пока он тащил меня куда-то. Это было между приступами рвоты и галлюцинациями. Или между галлюцинациями и бредом? Сейчас и не разберешь!

И тут в голову пришла гениальная мысль – а что если тихо смыться? Встретаться с ним сейчас было, как прыгать в прорубь без штанов! Его смешки и едкие комментарии, а еще этот жгучий стыд, который уже сейчас заставляет щеки пылать адским пламенем. Оценив обстановку, я увидела проселочную дорогу, заросшую травой, по которой явно проехала только эта машина. За дорогой – стена леса, мрачная и непроходимая. Она начиналась где-то там, а заканчивалась еще дальше. Конечно, можно попытаться сбежать. Возмож-

но, мне даже удастся сделать это бесшумно. Прокрасться вглубь леса, но как потом выбраться? И где я вообще, черт побери?

План побега испарился, как дым, поэтому пришлось открыть дверь машины и попытаться сохранить остатки достоинства, вывалившись наружу.

– О! – воскликнул Волк и взглянул на меня через плечо. – Спящая красавица проснулась!

Он сделал глоток пива из горлышка и снова принял свою позу «крутого парня», устремив взгляд вдаль. Туда, где под серым небом пряталась гладь небольшого, на удивление спокойного озера. Мы стояли у обрыва, метров пять высотой, наверное. Хотя какое там «наверное», для меня сейчас все – сплошной сюр!

– Который час? – спросила я осипшим голосом.

Парень театрально скинул руку и уставился на запястье, где, разумеется, не было часов:

– Без четверти... утро! – заключил он, наслаждаясь своей остроумностью.

Я так грохнула дверью, что Волк аж подскочил. Он одарил меня взглядом, полным немой угрозы, но потом, видимо, вспомнив мое состояние, промолчал, лишь уселся на капот машины в прежней позе, скрестив ноги.

Обогнув авто, держась за него, как за спасительный круг, я остановилась в метре от него. В груди поднималась волна беспокойства. Он и я, в какой-то глуши. А если вспомнить,

что он из шайки этого мерзавца Серёги, становится совсем тоскливо.

– Где мы?

Парень неохотно поднял на меня свои янтарные очи, не поворачивая головы. Всем своим видом демонстрируя мне свою надменность.

– У старой дамы, – отозвался он. – И сейчас девять утра.

– Что?! – возмутилась я. – Черт!

Я судорожно полезла в задний карман брюк за телефоном, но там была лишь дыра в кармане мироздания. Обшаривая остальные карманы, продолжала тараторить:

– Мама... она, наверное, волнуется.... Где этот проклятый телефон?!

– У меня, – как ни в чем не бывало, ответил парень, уставившись на меня в упор, и я замерла. Он разглядывал меня с нескрываемым интересом, но в его лице была какая-то грусть. Впрочем, вскоре в глазах снова заиграл прежний огонек:

– Пиздец ты забавная...

Для меня это звучало скорее оскорблением, чем комплиментом. Я плотно сжала зубы, что бы ни высказать ему свое отвращение, по поводу этой омерзительной брани. Четко знала – вряд ли ему есть дело для культуры общения!

Он вытащил из кармана мой старенький кнопочный телефон и протянул мне:

– Можешь не волноваться, я её успокоил...

Я, как параноик, повертела его в руках. И, правда, это был мой телефон. Но меня меньше всего тревожило то, что ему пришлось ощупывать меня, прежде чем вытащить его из заднего кармана моих штанов. Нет, это конечно то-же, но меня захватило ярое возмущение:

– Что ты сделал?!

– Я не мог пропустить её сто двадцать третий звонок,... поэтому мне пришлось ответить.

Он приподнял темные брови, глядя на меня как на редчайший вид идиоток.

– Господи! – простонала я. – Какой-то бред!

Я схватила за голову, пытаюсь остановить невыносимую боль и мысли, которые метались, как бешеные тараканы.

– И что... что ты ей сказал? – я уставилась на парня с ужасом.

Он не поворачивался ко мне, но я видела, что он, даже не поворачивая головы в мою сторону, за мной наблюдает. На его смуглом лице снова появилась издевательская ухмылка. Хотелось отвесить ему такую оплеуху, чтобы он навсегда забыл, как насмехаться над такими, как я.

Наконец-то он соизволил ответить:

– Если ты про вчерашний ахуительно дивный вечер, то нет, я не сказал, что ты обнималась с унитазом! – в раздражении от его слов я зажмурилась, – Я убедил её, что ты развлекаешься с подружками, и что у тебя все хорошо. А еще я обещал тебя доставить домой. Кстати, она пришла с ночной

смены и просила тебя не хлопать дверью.

Мама, как всегда, в своем репертуаре!

Я шумно выдохнула. Волк повернулся ко мне, но я не могла смотреть ему в глаза. Во мне боролись противоречивые чувства: обида за вчерашнее унижение, благодарность за неожиданную помощь, а в итоге – бешеная ярость, не пойми на кого!

– А вообще, Ира даже прикольная...

– Ира? – взвыла я, меня будто кипятком ошпарили.

Да как он вообще посмел знакомиться с моей мамой без моего согласия, да еще и фамильярничает, как будто они тысячу лет знакомы?! Я уже вся кипела от праведного гнева, готова была извергать пламя, но тут он меня добил:

– Кстати, кажется, я ей понравился...

Я так плотно сжала зубы, что они скрипнули. В его янтарных глазах плескалась самовлюбленность. Да, этот парень явно знает себе цену! А еще он не прочь выпятить всю свою харизму напоказ, что сейчас действовало на меня раздражающе.

– Да ну! – выплюнула я. – Моей маме никогда не нравились подонки.

– Я могу быть милым, – его брови поползли вверх, и он вновь улыбнулся.

– Даже оставаясь придурком?!

Он подался вперед, и я замерла. Наконец, его самодовольное лицо сменилось тенью ярости. Мои руки в секунду на-

мокли, но я мужественно смотрела прямо в его лицо.

– Ты чертовски маленькая, чтобы быть такой раздражающей! – сквозь зубы процедил он.

– Не могу сдержаться, когда вижу самовлюбленных ослов, – продолжала язвить я.

Казалось, его терпение достигло предела. Грозная, внушительная фигура оторвалась от машины, становясь еще более угрожающей. Он уверенно шагнул ко мне, и тело сработало раньше, чем разум успел вмешаться. Хлоп! Моя ладонь резко встретилась с его щекой, заставив его голову дернуться в сторону. Напряжение, словно волна, прошло по его лицу: мышцы на скулах напряглись, а под кожей на висках проступили вздувшиеся вены. Я замерла на мгновение, осознавая последствия сделанного. Его глаза вспыхнули: то ли желанием ответить, то ли чем-то куда более пугающим.

С дрожью снова попыталась ударить, но его реакция опередила мои намерения – он перехватил мою руку с такой стремительностью, что я не успела даже выдохнуть, лишь в удивлении приоткрыла рот. Его взгляд стал хищным: зрачки сжались до точки, а янтарный цвет глаз будто растаял в кипящем гневе. Я часто заморгала, чувствуя свою слабость. Не только физическую – перед его мощной фигурой – но и душевную, словно страх раскрыл слабые места внутри меня.

– Больше! Никогда! Так! Не делай! – отчеканил он каждое слово с особой интонацией и отбросил мою руку. – Поняла меня?

Я закивала. Быстро и решительно. Он еще немного сме-рил меня пронзительным взглядом, полным неприкрытого гнева. Цвет его глаз был сейчас ярче, словно кто-то вклю-чил подсветку. Я не могла оторваться. Даже, несмотря на мой страх, их невероятная глубина затягивала, обескураживает, лишала дара речи. Разгадать тайну этих янтарных глаз было не под силу. Я лишь терла запястье в том месте, где её сжи-мала твердая хватка его пальцев. Волк снова уселся на капот и сделал два уверенных глотка пива.

Возможно, я бы продолжила его «доставать», но мне ста-ло и правда страшно. Я совсем не знала этого парня и то, на что он способен. Но отчего-то внутри была уверенность, что бояться его не стоит. Во всяком случае, пока мой язык находится за плотной стеной зубов. И не дай бог мне снова его открыть....

Парень выудил из кармана помятую пачку, словно фокус-ник кролика из шляпы, и цинично воткнул сигарету между губ. «Чирк!» – зажигалка взбунтовалась, высекая искры, и от первого затяга его передёрнуло, как от удара током. Дым вырвался наружу серым драконом, а он втянул новую пор-цию никотина с такой жадностью, будто это был последний глоток кислорода в тонущем батискафе. Затяжка следовала за затяжкой, нервные, как дёргающийся глаз, резкие как удар хлыста. Казалось, он пытается выкурить весь свой гнев на мою пощечину, и, судя по его виду, сигарет в пачке явно не хватит.

Поморщилась, ощущая запах табака и снова вспомнила о маме. Наверняка волнуется. Достала мобильник, но экранчик вспыхнул прощальной надписью: «Goodbye», оставляя меня без связи с миром.

– Черт! – сказала я и зажмурилась. – Мама меня убьет...

– Поверь, твоя мама сейчас спит, как младенец, – Волк усмехнулся, глядя мне в лицо так, словно пытался просканировать мои мысли. Спустя минуту он отвел взгляд к озеру, продолжительно затянулся и, не выдыхая дым хлебнув пива, тихо произнес:

– Я умею убеждать людей!

И он выпустил изо рта облако дыма прямо мне в лицо. Я поморщилась. Никогда не переносила этот отвратительный запах. Даже не стала пробовать, когда Дашка с Веркой решили заделаться курильщицами. Их хватило ненадолго – сделали пару затяжек, и мои самоотверженные подружки задыхались от кашля. В другой ситуации я бы точно высказала этому самовлюбленному ослу все, что думаю, но сейчас... Мне было страшно даже открыть рот.

Я оперлась спиной о дверь машины, почувствовав прохладный ветерок гонящий прочь противный запах табака и задувающий под тонкую рубашу. Только сейчас поняла, что на мне не было куртки. По коже побежали мурашки. Внутри же, наоборот, все горело. Я хотела было осмотреть салон, но вдруг услышала его низкий голос:

– Не успел прихватить, когда тащил тебя до машины, – он

протянул мне свою бутылку, – Будешь?

Я противно сморщилась, а он расхохотался. От состояния похмелья меня передёрнуло. А тошнотворный вкус выпитого мной алкоголя вырвался из недр желудка. Я приложила руку к животу, пытаясь облегчить боль.

– Правильно, – сказал Волк, глубоко затянулся и легким движением пальца отправил окурок в сторону. На этот раз он выпустил дым совсем в другом направлении. Возможно, он догадался, что мне это не по душе, хотя было бы странно думать, будто он действительно обо мне беспокоится. Парень повернулся ко мне вполоборота: – Тебе не стоит больше пить.

По звуку его голоса я поняла, что говорил он вполне серьезно. Но, я могла лишь гадать, что происходит в его голове. Создавалось впечатление, что за образом тупого качка скрывается вполне разумный человек. Возможно, этот парень действительно лучше, чем, кажется на первый взгляд, если, конечно, не обращать внимания на его грубое поведение и крепкие выражения. Даже страшно представить, что он там посмотрелся, сидя со мной в туалете, и потом...

– И почему ты не оставил меня там? – спросила я, удивившись спокойствию своего голоса.

– А кто бы следил, чтобы ты не захлебнулась в рвотных массах?

Когда он взглянул на меня, в омуте его глаз плескалось нечто похожее на... волнение? Неужели за меня?!

Моментально вспыхнув, словно новогодняя ёлка, я спрятала лицо за занавесом своих непокорных русых кудрей, которые, по пророчеству вездесущей Верки, к утру превратятся в «жалкие сосульки». Да какая разница, если сейчас голова трещала от воспоминаний о том, как этот парень тащил моё полуживое тело на руках, а потом героически высиживал со мной в машине, пропахшей коровником!

– И... что было дальше? – пролепетала я, запинаясь на каждом слове.

– Ха-ха! – громыхнул Олег, – Ну, для начала, пришлось устроить моей тачке внеплановый сра-день на автомойке. Спасибо, что хоть «украсила» ее желчью, а не чем-то похуже!

Меня передёрнуло от одной мысли об этом «перформансе». Дрожащими пальцами я заправила прядь волос за ухо, наивно надеясь, что он не заметит, как я, словно спелый помидор, наливаюсь краской стыда.

– Ну и... что потом? – повторила я, словно заевшая пластинка.

Он повернулся ко мне, и лицо его скривилось так, будто я предложила ему съесть протухшую селедку.

– Думаешь, я тебя трахнул?

Меня кольнуло то ли раздражение, то ли обида.

– Н-нет, – дрогнул мой голос, и я вновь тонула в янтарной бездне его глаз.

– Пьяные девицы – не мой контингент! – процедил он с неприкрытым отвращением. – А вообще-то, ты могла бы

спасибо сказать!

– Спасибо, – выпалила я, прежде чем успела подумать.

– Так-то лучше, – фыркнул парень.

Он навис надо мной, словно хищник, и мысль о том, что-бы ударить его, куда-то исчезла. Не потому, что он мог перехватить мой удар – вовсе нет. Моё тело против воли ослабло и расслабилось, будто лишённое всякого сопротивления. Всё, что я смогла сделать – как загнанная в угол мышь, прижаться к дверце машины, ощущая себя героиней второсортного триллера о маньяке. Место для убийства, мягко говоря, располагало.

– Боишься? – прошептал он, обжигая мое лицо своим горячим дыханием. В нос ударил мужественный аромат: табак, сандал и ещё что-то приятно-терпкое, даже дурманящее. Я громко заглотила нервный ком, а Волк расплылся в самодовольной улыбке, – Отлично!

Неожиданно во мне проснулся грамм мужества, всего лишь грамм, который позволил мне чуть слышно прошептать:

– Если ты ко мне прикоснешься, то...

– То? – переспросил Волк, явно наслаждался моим испугом. Глубина его глаз стала запредельной. Губы изогнулись в подобии улыбки, – Изуродуешь меня своим макияжем?

Щеки моментально вспыхнули.

– В пятом классе я ходила на карате, так что...

Усмешка скользнула по его губам, и тут я поняла, как жал-

ко и по-детски прозвучала моя угроза. Я вздрогнула, когда он достал из кармана бутылку воды. Быстро открыв ее, он смочил ладонь и, поставив бутылку на капот, прижал свои обжигающие и влажные руки к моим щекам, вытирая нижние веки. Его касания были нежными, призрачно нежными, на самом деле я четко чувствовала, какая сила скрывается в этом теле.

– Ты прям Кунг-фу Панда, – пробормотал он, глядя на меня сверху вниз, пока стирал остатки туши под моими глазами. – Вот, кажется, так лучше...

Ещё несколько секунд он прожигал меня взглядом, а потом отпрянул, схватил бутылку пива и, отвернувшись, присел на капот. Его длинный глоток пива помог мне прийти в себя. Пелена его гипнотического взгляда рассеялась, и я жадно вдохнула свежий воздух леса, смешанный с ароматом воды.

Я судорожно пыталась вдохнуть воздух, стараясь собрать мысли и привести их в порядок. Во-первых, его глубокий, почти гипнотический взгляд обладал какой-то неуловимой магией, которая удерживала меня как на привязи. Во-вторых, каждая его реплика, каждая хитроумная усмешка раздражали меня до глубины души, пробиваясь куда-то сквозь барьеры терпения. И, наконец, в-третьих – этот парень явно не желал мне навредить – если бы хотел, он давно бы это сделал. И, не смотря на охватившее меня раздражение и физическую усталость, я неожиданно почувствовала тепло – мяг-

кое, почти утешающее.

Его прозвище «Волк» подходило идеально: внешний вид упрямо твердил о скрытой угрозе, что таилась за его мощными плечами. Но страх никак не приходил; напротив, это ощущение таинственности лишь притягивало. В памяти всплыли моменты, когда его руки поддерживали мои волосы во время моего извержения алкоголя в унитаз или нежно касались моих щёк. Эти воспоминания стерли остатки обиды и наполнили душу легкой благодарностью, пробудив что-то трепетное внутри меня.

Я не хотела нарушать молчание, но вопрос сорвался с губ:
– Почему Волк?

Парень одним глотком допил пиво и швырнул бутылку в кусты.

– Олег Волков, – сказал он, протягивая мне руку.

Я еле сдержала смех. Щёки заходили ходуном.

– Что? – возмутился он.

– София Белкина, – сквозь смех ответила я, пожимая его руку.

Он засмеялся вслед за мной. Как братья по несчастью, мы стали жертвами собственных фамилий.

– Теперь понятно, почему Белка, – ухмыльнулся Олег, и я замерла.

Сказать, что он был симпатичным – это ничего не сказать. Он был чертовски привлекательным! Это я заметила еще в каминном зале особняка моего парня.

«Моего парня...» – эхом отозвались мысли. Образ пьяного Марка в компании отвратительных дружков Олега отбил всякое желание спасти этого идиота. – «К черту его авантюры!»

Впервые я поняла, что не хочу больше быть причастной к его жизни. Слишком долго я играла роль матери Терезы, в надежде спасти наши отношения, точнее то, что от них осталось. А что от них собственно осталось? Только лишь едкое чувство раздражения и неумолимое желание при встрече плюнуть ему в лицо. Розовые очки, сквозь которые раньше я еще пыталась найти в Марке прежнего парня, того, кого, мне кажется, любила, разбились вдребезги.

– Какой же он кретин...

– Надеюсь, ты про своего парня, – усмехнулся Олег.

Я молча кивнула, зная, что он смотрит на меня и зажмурилась. Его взгляд я улавливала даже закрытыми глазами. Он смотрел на меня внимательно, ожидая моего ответа, но у меня не было сил.

– Тебе стоит пересмотреть свои отношения с ним, – равнодушным голосом сказал Олег, – Марк ебла.... – он не закончил, уловив мой неодобрительный взгляд на его ругательства, а потом перефразировал, – Кретин, это видно по его физиономии. Да и ведет себя, если честно, по меньшей мере, странно...

Усмешка тронула мои губы:

– Сказал парень, который всю ночь спасал незнакомую

девчонку от смерти в её собственной рвоте!

Олег весело рассмеялся и снова отпрянул от капота. Машина качнулась, освобождаясь от веса его тела.

– Знаешь, а мне даже понравилось, – заявил он, привлекая мое внимание, – Было в этом что-то... забавное... – я бы долго смотрела в его глаза, где янтарный блеск затмевала тень какой-то особой нежности. Но его голос тронула злоеющая нотка, – Забавное и одновременно бесячее, – резко оборвал он мое гипнотическое состояние, – И если я еще раз увижу тебя в таком состоянии, тебе не поздоровится.

Я усмехнулась его угрозе. Она звучала даже мило.

– Я серьезно!

Я прикусила губу, тайно надеясь, что следующего раза не будет, ведь вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся! В этот момент я почувствовала нечто похожее на грусть. Но, быстро затолкнув ее обратно, лишь нахмурилась собственным нелепым чувствам по отношению к незнакомцу. Хотя и спасшему меня от позорной смерти, но все еще он оставался одним из тех парней из мерзкой компании еще более мерзкого Сереги.

Олег сверлил меня взглядом пару минут, но вдруг произнес:

– Готова ехать?

– Да, – ответила я, а он уже обошел машину и ловко запрыгнул на водительское сиденье.

Я оглядела озеро и свинцовое небо, отражающееся в мерной глади воды.

Несмотря ни на что, в душе царило странное спокойствие и умиротворение, которое было совсем несвойственно моему характеру, я отважно решила запрыгнуть в авто. Когда села в машину, Олег завел двигатель и резко тронулся с места. Всю дорогу мы ехали молча. Мне хотелось знать, о чем он думает, так внимательно смотря сквозь лобовое стекло, но я не решалась спросить.

В памяти всплыл эпизод: Олег вытаскивает меня из машины на той самой мойке. И, кажется, тогда я назвала его... милым?

«Господи», – мысленно взывала я, – «Я больше никогда так не напьюсь! НИКОГДА!»

Мы доехали до моего дома, и сперва я даже не поняла, где мы находимся. Мне пришлось оглянуться по сторонам, чтобы понять, что мы на месте. Серая пятиэтажка неприветливо смотрела на меня темными окнами. Я подняла взгляд на окна своей квартиры, надеясь, что мама все еще спит, как уверял Олег, а не мечется по дому в панике, ведь ее несовершеннолетняя дочь все еще пропадала где-то с совершенно незнакомым парнем...

– Как ты узнал мой адрес? – спросила я.

Олег, вскинув брови, посмотрел на меня, и я готова поклясться, что в его глубине мне замахали сотни чертенят.

– Я же говорю, что понравился твоей маме...

Не стоило спрашивать дальше. Мама точно выложила ему всю информацию. Это было вполне в ее духе. За всем ее

огромным умом и сообразительностью все еще прятался наивный ребенок, готовый довериться первому встречному!

Олег не отводил своего взгляда, и он был очень внимательным. Словно бы он искал ответы на свои вопросы. Нашел ли он их в моем лице? Сомневаюсь, ведь спустя секунду он нахмурился.

Я заморгала, собираясь с духом. Внутри щемило от тревоги. Увидимся ли мы еще? Будет ли у меня возможность поблагодарить его еще раз? Ведь он спас меня...

– Спасибо, – прошептала я, отворачиваясь.

Дрожащими пальцами я ухватила за дверную ручку, надеясь поскорее смыться – не столько от него, сколько от хаоса собственных мыслей. Но так и не успела выйти, как почувствовала его руку на своём запястье. Рывком он притянул меня к себе, так близко, что казалось, наши носы вот-вот столкнутся. Сердце застучало так мощно, будто пытаюсь вырваться наружу. Каждый волосок на моём затылке поднялся, предупреждая о приближающейся буре.

Олег, не отрываясь, смотрел мне в глаза. Его взгляд стал таким глубоким, что казалось, он проникает прямо в душу. Я не просто чувствовала это – каждая клеточка моего тела откликалась на его присутствие. Я ощущала всё: его завораживающий взгляд, жаркое дыхание, которое оказалось так близко, почти касаясь моих губ. И вдруг он усмехнулся.

– Спасибо и всё?

Я сглотнула ком в горле, снова почувствовав тошноту.

– Недавно этого хватало, – неуверенно ответила я.

– Недавно, – кивнул он, и просиял, растягивая губы шире, – Но я тут подумал, что такому самовлюбленному ослу, как я, этого недостаточно.

Я нервно забегала глазами по его лицу, ища ответ.

– И что тебе надо? – вырвалось у меня.

На мгновение мне показалось, что он выкатит мне счет за мойку автомобиля и попросит еще сверху за эту бессонную ночь, но то, что я слышала дальше, меня всколыхнуло:

– Свидание, – недолго думая, ответил он.

– Свидание? – нелепо переспросила я.

– Ага, – кивнул он. – Это самое малое, чем ты могла бы меня отблагодарить...

Мне пришлось зажмуриться, ведь волна мурашек от его прикосновения достигла головы, в которой кружили уже миллионы отговорок, самая нелепая из которых была:

«У меня есть парень...»

И видимо, эта мысль отразилась у меня на лице, потому что парень тут же вымолвил:

– Отказы не принимаются, Белка, – хватка его огненных пальцев усилилась. – Я заеду в понедельник вечером. В шесть. – Он подался вперед, еще ближе, обжигая мое лицо дыханием. Я отчаянно зажмурилась, – И если ты вздумаешь построить другие планы... я из-под земли тебя достану.

Каждое его слово ставило обжигающее клеймо на моем лице. И я должна была почувствовать хотя бы ярость за его

самодовольство, но вопреки всему я чувствовала лишь трепет и громкий стук своего сердца, отзывающийся в ушах. Когда я решила посмотреть на него, в глазах парня по-прежнему скакали приветливые чертики, размахивая мне факелами, словно я была десертом на их славном дьявольском пиру.

– Помни, я знаю твой адрес...

И как только хватка его пальцев ослабла, я вылетела из машины, как пробка, дрожащими ногами пересекла площадку до подъезда. Я долго искала ключи от дома в карманах брюк, и все это время чувствовала его прожигающий взгляд у себя на спине, словно он был прямо за ней. Но обернуться я не могла. Мне было страшно понять, что он действительно рядом. Страшно вновь погрузиться в омут его глаз.

Звук домофона, и я внутри. Меня встретила плесневелая вонь странного подъезда, но я была этому рада как никогда. Голова ходила ходуном, словно у пьяного акробата, а причину я улавливала, как радиосигнал из другой галактики – еле-еле.

Немного пошатавшись в подъезде, я, словно реактивный заяц, взмыла на свой этаж и, как ниндзя в тапочках, бесшумно открыла дверь квартиры, стараясь не разбудить даже домового, и так же бесшумно закрыла ее за собой.

И тут меня накрыло! Тишина квартиры обрушилась водопадом, а мысли, эти маленькие предатели, разбежались по всем углам, играя в прятки и хихикая надо мной. Единственно, что я понимала – этот парень принесет мне одни пробле-

мы!

Глава 5

Я вынырнула из комнаты, словно задыхаясь от долгого за-
точения, едва слышала, как проснулась мама. Сердце за-
билося тревожной птицей в груди.

– Привет,– прошептала я с опаской, наблюдая, как она
трет заспанные глаза, пытаясь прогнать остатки сна.

– Доброе утро, Соф,– пробормотала она, переводя взгляд
на кухонное окно, – Или вечер... – тихая усмешка тронула
ее губы:

– С этой работой я совсем потерялась во времени...

– Мам, я...

– Стоп,– мягко остановила меня мама и приоткрыла дверь
ванной. – Сначала душ, зубы, все такое.... А потом я буду
готова услышать все твои объяснения!

«Ясно...»– пронеслось в моей голове с грустным эхом, но
я лишь кивнула, провожая взглядом ее удаляющуюся фигу-
ру.

Она скрылась в маленькой ванной комнатке. Вскоре по-
слышался шум льющейся воды, а затем – тихое, воодушев-
ленное мамино мурлыканье. Я понимала, что она пережива-
ла гораздо сильнее, чем пыталась показать, и это ее спокой-
ное принятие моих проделок неизменно становилось для ме-
ня спасением, тихой гаванью в бушующем море моих про-
блем.

Вспоминается, как однажды я разбила стекло в классе истории – не нарочно, конечно. Просто Вахрин так достал своими нудными лекциями, что мне почему-то показалось отличной идеей надеть ему на голову этот проклятый глобус. И, как закономерный итог, он увернулся, а глобус, описав дугу, с грохотом вылетел в окно, оставив зияющую дыру в прозрачной глади стекла. Тогда мама спасла меня от гнева историка и от отчисления из школы, которым грозилась завуч. Я ждала дома взбучки, но ее снисходительность меня поразила. Слишком добрая она была для матери такого несносного подростка, как я. А теперь, когда мои проделки закончились ночевкой вне дома с совершенно незнакомым парнем, я впервые почувствовала себя настоящим дьяволом, причиняющим столько боли этой милой, бесконечно доброй женщине.

Мне невероятно повезло с ней,... а вот ей со мной... в этом я совсем не уверена!

Мама вышла из ванной, обмотав полотенце вокруг головы, словно тюрбан, а я, бросая на нее панический взгляд, нервно теребила края кухонной салфетки, ожидая ее материнского приговора.

– Ну-у,– протянула она словно напев, и уселась напротив меня на табурет, второй и последний в нашей крохотной кухне, где едва ли помещалось что-то, кроме кухонного гарнитура, двух табуретов и маленького обеденного стола.

– Прости,– прошептала я, стараясь смотреть куда угодно,

только не в ее глаза. — Больше такого не повторится...

— Софи,— позвала она меня ласково, как в детстве, но я съежилась от жгучего чувства вины, думая, что недостойна ее любви и нежности. — Я знаю, что ты напилась...

От неожиданности я даже вздрогнула.

— Нет, мам!— запаниковала я. — Нет, я не...— но, увидев ее взгляд — всезнающий, пронизательный, говорящий «врать бесполезно», я сдалась:

— Да, я напилась,— простонала я почти плача. — Но я не хотела...

— Угу,— кивнула она в ответ.— Это понятно...

Внутри все сжалось в комок отвращения, который я испытывала по отношению к самой себе.

— Знаешь, я почти поверила тому парню,— она вскинула взгляд к потолку, в котором, кажется, выискивала ответ. — Олег, кажется. Да, Олег! — я предельно внимательно смотрела в ее лицо, не понимая, что сейчас будет.

Мне казалось, я должна получить от нее как минимум тапком по пятой точке, но она, кажется, была слишком спокойной, чего я явно не ожидала. А мама продолжила:

— Но я слишком хорошо знаю свою дочь, которая бы не стала веселиться со своими подружками на очередной вечеринке своего парня, будучи в трезвом уме...

И это была правда! Мама слишком хорошо меня знала! Так хорошо, как, кажется, я даже себя не знала. Это позволило мне выдохнуть.

– И давай пропустим тот момент, где я ругаю тебя за эту выходку и перейдем сразу к сути,— я лишь кивнула на ее предложение. – Так что произошло, Софи?

И я, вдруг сама не ожидая своей искренности, поведала матери всю историю вчерашнего вечера и этого утра. Хотя про утро я зря ей рассказала, ведь она смеялась так, как, казалось, никогда прежде.

– Кунг-фу Панда? Seriously?..– спросила она, едва сдерживая смех между моими словами.

Я сперва не поняла, что может быть смешным в том, что твоя несовершеннолетняя дочь проснулась в машине какого-то незнакомого парня где-то на отшибе города, но вдруг сама рассмеялась нелепости всей ситуации. И меня отпустило!

– Олег определенно нравится мне еще больше!– вдруг заявила она и встала, потому что чайник прерывисто закусил, высвобождая пар через узкий носик. – Ты должна нас познакомить!

– Нет,— быстро оборвала я, и мама вскинула на меня взгляд, в котором плескалось непонимание. – Он не такой милый, как ты считаешь!

Но мои слова звучали неубедительно, возможно, я пыталась ими переубедить себя саму, ведь весь этот день после нашего прощания я только и делала, что собирала его образ по частям и пришла к выводу, что он определенно мне нравится!

Мама поставила две чашки чая на стол, одну из которых подвинула ко мне, и вновь уселась напротив.

— Дочь,— позвала она меня, и я вскинула на нее взгляд уставших глаз. — Пора бы уже вычеркнуть Марка из своей жизни и идти дальше...

Я прикусила нижнюю губу и открыла рот, чтобы вновь по инерции начать защищать своего парня, но мама меня перебила:

— Знаю, что ты скажешь! Марк — часть твоей жизни, и я должна смириться с твоим выбором, и я смирюсь, обязательно смирюсь, если сейчас ты скажешь мне честно, что ты счастлива...

Мой долгий взгляд блуждал по ее лицу, выискивая в нем правильный ответ. Брови матери вдруг поднялись вверх, и она хлебнула чая, поставив чашку на стол:

— Я так и знала,— выдохнула она и вскоре продолжила:

—Пойми, Софи, ты не можешь всю свою жизнь играть роль его мамочки или делать вид, что ваши отношения — предел твоих мечтаний. Ты уже так слишком долго обманываешь себя...

— Но...

— Нет,— вновь оборвала меня мама и пристально посмотрела мне в глаза. — Раньше да, ты любила его, и он, возможно, тоже любил тебя, но вы уже не те дети. Вы выросли, в том числе и из этих отношений...

Я вновь удивилась мудрости этого человека. Она видела

меня насквозь, хоть мне это не особо и нравилось, но я была ей безмерно благодарна за ее слова и поддержку.

— А этот парень,— вновь сказала мама. — Он красивый?

— Нет,— сморщилась я, но, как я уже сказала, мама знала меня лучше, чем я сама себя, поэтому ее лицо тут же озарила довольная улыбка, и я фыркнула себе под нос. — Разве только чуть-чуть...

— Я рада, что хоть кто-то, помимо твоего алкаша Марка, пробил брешь в твоей стене неприступности...

И я хотела сопротивляться ее мнению, но было бессмысленно. Она не ждала ответа, и это меня расстраивало, так же, как и правдивость ее слов.

Мама допила свой чай и уже сполоснула стакан, закинув его обратно в сушку, пока я следила за чайинкой, что кружилась на поверхности в моей кружке. Он давно остыл, но я так и не сделала ни одного глотка. На поверхности чайной глади я видела отражения янтарных глаз, что забирали мой разум, как только я попадала в их плен. По спине заерзали мурашки, но они были не противными, а восхитительными. Те мурашки, который я чувствовала всякий раз, когда янтарные глаза смотрели на меня внимательно.

Я вздрогнула, когда мама чмокнула меня в макушку:

— Хотелось бы провести выходной с тобой, но, кажется, меня ждут сломанные рёбра и вывернутые голеностопы...

Сказав это, она отправилась в свою комнату, а спустя несколько минут (хотя я не знаю, сколько времени я проси-

дела, плясая на чайнику в своем стакане), она вышла. Одета в свой рабочий костюм – серые штаны и рубашка с коротким рукавом, на груди которой был зацеплен бейдж с ее именем, и, попрощавшись со мной, умчалась на работу.

Я слышала даже, как закрывается за ней подъездная дверь. Так тихо было в нашем доме, словно в морге.

Когда я заставила себя уснуть, были уже глубокие сумерки. И я была выжата как лимон этими беспорядочными мыслями – об Олеге, о словах матери, о Марке и наших сломанных отношениях, которые с самого начала, кажется, были обречены на сокрушительный провал!

– Что ты сделала?! – вопль Дашки разорвал тишину класса, заставив всех обернуться и замолчать, словно их вдруг лишили дара речи.

– Нельзя хоть чуть-чуть потише извергать свои эмоции? – прошипела я сквозь зубы, вкладывая всю свою безысходность в этот шепот.

Она взмахнула руками, словно сдаваясь, но в её ошеломлённом взгляде я видела, как клокочет внутри буря, готовая вот-вот вырваться наружу.

Вахрин оторвался от учебника, его взгляд скользнул по нам с иронией:

– Если я правильно понял, то Белка решила проверить на

себе рефлекторное извержение... содержимого двенадцатиперстной кишки. Вследствие чрезмерного употребления алкоголя, разумеется...

– Спасибо, Задрот, – процедила Верка, – Как будто мы сами не догадались!

Ромка лишь скривился в усмешке и вновь уткнулся в учебник. Знала я, что все эти формулы и теоремы ему сейчас до лампочки, и он слушает наш балаган не менее жадно, чем Дашка, застывшая в немом изумлении.

– Я, конечно, всегда подозревала, что с тобой что-то не так, – протянула Верка, буравя меня взглядом, – Но чтоб настолько!

– А что мне оставалось делать? – в отчаянии развела я руками, метаясь взглядом между Веркой и Дашкой, ища хоть каплю понимания.

– Учить физику, например, – буркнул Ромка, не отрываясь от учебника.

Я шумно выдохнула, зажмуриваясь. Знала ведь, не стоило им ничего рассказывать. И без того Верка в курсе всего. Я в панике перебирала в голове все возможные пути утечки информации. Откуда, чёрт возьми, она всё узнаёт?

Единственное, что грело душу – когда я очнулась в машине Олега, рядом не было никого, кто мог бы донести этой рыжей всезнайке каждую деталь. А Олег... он бы и разговаривать с такой как Верка не стал. Надеюсь!

– И что, что было потом? – не унималась Дашка, её глаза

жадно ловили каждое моё слово.

– А потом её увёз какой-то очень симпатичный молодой человек, – ухмыльнулась Верка, её лукавая улыбка растянула тонкие губы, накрашенные розовой помадой.

Вахрин наострил уши, смотря на меня с прищуром. Я испепелила рыжеволосую взглядом, и улыбка тут же исчезла с её лица.

– Ну, это со слов Нат... – тут же ответила Верка.

– Нат! – выплюнула я это имя, пожалуй, как нечто противное, – Ты в курсе, что эта змея распустила слух, что мы с Марком расстались?

– Учитывая, что ты провела ночь в компании другого парня, – не унимался Ромка, и я почувствовала, как мои щёки вспыхнули под его насмешливым взглядом, – Смею предположить, что Нат уже успела растрезвонить об этом всему свету, так что ваше расставание вполне очевидно...

– Замолчи, – процедила я, впиваясь в него гневным взглядом.

– Ну, правда, Соф, – взмолилась Дашка, – Что ты теперь скажешь Марку?

Это был вопрос, который терзал меня последние два дня. Два бесконечных дня, которые я провела дома, закутавшись в одеяло. Меня атаковали мысли, одна безумнее другой. Сначала я грезилась об Олеге, потом о Марке. Под вечер воскресенья я так устала от этих терзаний, что позвала Вахрина в гости. Он примчался почти сразу, но расспрашивать меня ни

о чем не стал. За это я его и любила – за умение не лезть в душу, хотя он и не упускал возможности отпустить колкость в мой адрес. Вот прямо сейчас!

Ромка уронил учебник на стол и сложил руки на груди так театрально, что меня даже передернуло.

– Знаешь, Марк, – он попытался изобразить мой голос, вызвав у Верки приступ смеха, – Кажется, я напилась и нашла себе парня получше! А все твои цацки и мерседесы – это не для меня...

Я не сдержалась и ткнула его локтем в бок. Он отшатнулся и расхохотался, словно это была самая остроумная шутка на свете. Но мне было не до смеха. Только липкое чувство раздражения ко всему, что творилось в моей никчёмной жизни!

– Ну, а что, – выпалила Верка, – Помнится, ты давно уже хотела с ним расстаться, может, это и к лучшему?

– Верка! – вспыхнула Дашка, – Если она с ним расстанется, то, как же мы будем ходить на его вечеринки?!

Мой рот открылся в немом изумлении, словно не веря своим ушам. И я не могла вымолвить и слова, кроме как:

– А?!

Ромка наклонился ко мне и прошептал на ухо так, чтобы слышали все:

– Вот она, ваша женская дружба во всей красе.

От его злорадства меня уже подташнивало. А от Дашки и Верки и подавно. Я, словно обиженный ребёнок, уселась за парту и надула губы. Вернее, они надулись автоматически. И

весь оставшийся урок, пока наш преподаватель по русскому языку отсутствовал, надеясь, что мы будем читать главы из учебника, я старательно запикивала обиду куда подальше. И когда прозвенел звонок, я уже почти не чувствовала злости.

– Сходим куда-нибудь? – предложил Ромка, пока мы шли к гардеробу.

Я задержалась, глядя на его веснушчатое лицо, которое светилось то ли от радости, что учеба закончилась, то ли от того, что он смог задеть меня побольнее на уроке.

– Не сегодня, – прошептала я и вновь заторопилась вниз по лестнице.

Толпа одноклассников вопила что-то невнятное, и я не сразу расслышала вопрос Вахрина:

– Какие планы? Может, побежишь обратно под крылышко Марка, встанешь на колени и будешь молить о прощении?

– Как бы ни так! – усмехнулась я, его слова меня не задели.

Во-первых, я знала, что он как никто другой понимает мои чувства. Он только казался надменным придурком, а на самом деле у него было больше человечности, чем у моей мамы. Хотя куда уж больше? А во-вторых, чем ближе был вечер, тем сильнее я ощущала странную дрожь под коленками. Предстоящее свидание почему-то вводило меня в состояние тревоги.

– Ну и что собираешься делать? – вновь спросил Ромка, когда мы остановились у гардеробной, не пытаясь пробиться сквозь толпу. – Я бы мог предположить, что ты будешь чи-

тать Каренину, ведь я тайком подсмотрел оценку за эссе, и знаешь...

Я остановила его взмахом руки:

– Каренина подождёт!

Непонимание в его глазах показалось мне забавным. Я была рада увидеть хоть что-то, кроме желания подколоть меня. Но тут же моя радость мгновенно угасла, и я ответила:

– Кажется, я нарвалась на свидание...

Он вполне мог бы рассмеяться над моим перекошенным лицом, должно быть, я выглядела так, словно съела тухлую селёдку.

– Кто сказал свидание? – за моим плечом появилась Верка.

– Что, что? – Дашкина голова вынырнула следом, – У тебя жизнь динамичнее, чем в голливудских сериалах!

И это было правдой! Безжалостной, не оставляющей надежды на спокойствие правдой!

– Это с тем парнем? – слышался вопрос Ромки.

Отчего-то его глаза стали грустными, как у собачки, которую собираются надолго оставить в пустой квартире.

– Да, – ответила я, пытаюсь понять, что это за грусть отразилась на лице моего вечно озорного друга. – Кажется, у меня не осталось выбора...

– Вот это новости! – пропела Верка.

– Теперь тебе точно не помириться с Марком... – выдохнула Даша, словно потеряла последнюю надежду. А вместе с

этим и надежду на тусовки в особняке Марка.

Больше я не проронила ни слова. Мы попрощались вначале с Ромкой (я обещала позвонить ему, как освобожусь), дальше Верка и Дашка отправились по своим домам, оставляя меня наедине со своими мыслями.

В пустой квартире я почувствовала себя особенно одинокой. Уселась напротив зеркала и внимательно изучала свое отражение.

Может, подстричь волосы? Сделать каре, например? Я слышала, что девушки часто меняют прическу, когда расстаются с парнями.

– А вы уже расстались? – спросила я свое отражение, но оно предательски молчало, и я моментально вспыхнула:

– Тогда сиди и молчи!

Тут же я решила, что неплохо было бы сделать домашнее задание. Вспомнила слова Ромки, и рука сама потянулась к роману Толстого. Анна Каренина не входила в список моей любимой литературы, но вряд ли этот аргумент убедит нашу русичку! Стоит признаться, что я не осилила и десяти глав этим летом. Да и сейчас, пока я пыталась уловить нить сюжета, мои веки слипались. И я задремала. Не то чтоб я этого очень хотела, даже наоборот, я старательно следила за стрелкой часов, что стояли на тумбочке у моей кровати. Но они так убаюкивающе тикали, что я сдалась и веки сомкнулись.

Когда я проснулась, было уже восемнадцать часов двадцать минут.

– О Боже! – крикнула я и резко вскочила на ноги.

На телефоне несколько непрочитанных сообщений, которые я даже не открыла, понимая, от кого они. И было даже пять или шесть пропущенных вызовов от Марка. Не то, что я вдруг об этом вспомнила, но всё же... стало как-то мерзко от того, что я иду (и, кстати, жду!) свидания с Олегом, когда всё еще нахожусь в отношениях с Марком.

Я нервно почесала лоб, стараясь унять дрожь в руках.

Экран мобильного засветился, я взглянула на него и прочитала новое сообщение:

«Пиздец ты вредная! Если ты не спустишься, то я поднимусь сам!»

Так быстро я еще никогда не собиралась. Я влетела в джинсы со скоростью света, с трудом натянула узкую кофту, первое, что попало мне под руку. С носками всё вышло еще быстрее. Прошло несколько минут, и я уже стояла в холле, натягивая кеды, потом принялась за куртку, которая путалась в рукавах. Спустя минуту я уже летела вниз по лестнице, завязывая волосы в хаотичный пучок.

Перед дверью я остановилась, пытаюсь представить, что меня ждет там, за ней.

Вдох. Ещё один. Я открыла металлическую дверь. В нос ударил прохладный воздух, и я обрадовалась тому, что на улице было по-осеннему холодно. Возможно, этот холод скроет моё волнение, ведь под сверлящим взглядом янтарных глаз меня тут же затрясло, как листву на берёзе возле

моего дома. А может быть, и сильнее.

Олег лукаво усмехнулся, разглядев мой вид.

– Ты всегда опаздываешь? Или так ты высказываешь свое пренебрежение? – услышала я его на удивление спокойный голос, от которого по спине пробежали мурашки.

Он, как и прежде, воплощение уверенности, облаченный в кожанку поверх белоснежной водолазки, прислонившись к сиденью спортивного мотоцикла, разглядывал меня слишком внимательно. Я нерешительно поплелась к нему, словно каждый шаг приближал меня к чему-то неизбежному.

Я остановилась, машинально заправила прядь волос за ухо и, наконец, нашла в себе силы взглянуть ему в лицо. Бронзовая кожа почти сияла в тусклом свете подъездной лампы. А глаза... они словно два магических кристалла, в которых отражалась моя растерянность...

Он усмехнулся, улавливая нелепость моего молчания и смущения. Я вздрогнула, словно очнулась от наваждения.

– Я... – слова застряли где-то в горле, потерялись в лабиринтах смущенного сознания. Я зажмурилась, пытаюсь укрыться от обжигающего взгляда. – Я проспала...

– Неужели, – выдохнул он с еле заметной иронией.

– Это все Толстой виноват, – выпалила я по-детски, заметив, как уголки его губ тронула саркастичная улыбка. – Точнее... Анна Каренина...

Я закусила губу, умоляя себя прекратить этот поток бессмысленных оправданий.

– Значит, Каренина, – я глупо кивнула в ответ. – А я-то думал, ты от меня прячешься...

– Нет! – вырвалось у меня прежде, чем я успела опомниться.

Олег отделился от своего мотоцикла и шагнул ко мне, сократив расстояние до неприлично близкого, учитывая, что мы едва знакомы... да что там, мы вообще не знакомы!

Он долго смотрел на меня сверху вниз, словно пытаясь прочесть мои мысли, разглядеть мою душу. А я, раздавленная этим взглядом, собирала себя по кусочкам. Неужели это происходит на самом деле? Или это всего лишь плод моего воображения, и его здесь нет?

Отчаянно ища спасения, я уставилась на серый асфальт под ногами.

– Ты определенно очень смешная, – услышала я его голос и, повинуясь непонятному импульсу, подняла глаза. Он улыбался, нежно и чуть насмешливо, а затем в его улыбке промелькнуло что-то другое... теплое и обезоруживающее. – Если бы я не видел твою решимость, с которой ты хлебала виски, решил бы, что тебе сейчас страшно...

– Ничуть, – выпалила я, не зная, откуда взялась смелость снова встретиться с его парализующим взглядом. И, собрав остатки мужества, прошептала:

– Я тебя не боюсь.

Он снова усмехнулся, но на этот раз в этой усмешке сквозило что-то другое... предвкушение? Интерес?

– Ну, тогда держи, отважная Белка! – он протянул мне черный блестящий шлем, и я машинально приняла его. – Посмотрим, что ты мне скажешь в конце нашего пути...

В его словах прозвучало что-то настораживающее, но я лишь глубоко вдохнула пропитанный осенним холодом воздух, ощущая терпкий аромат опавшей листвы и предчувствие надвигающегося дождя. Олег шагнул к мотоциклу, ловким движением закинул ногу через сиденье и быстро спрятал лицо за темным стеклом шлема. Мотор взревел, пробуждая спящего зверя, но даже сквозь этот рев, даже сквозь затемненное стекло его взгляд продолжал сверлить меня. И сейчас, когда я видела лишь отражение собственных испуганных глаз в черной поверхности шлема, я чувствовала, как по коже бегут мурашки, поднимая дыбом волосы на руках.

– Запрыгивай, – скомандовал он. – Раз не боишься.

Я еще раз бросила вопрошающий взгляд на свой старый, обшарпанный подъезд. Правильно ли я поступаю? Я ведь совсем не знаю этого парня, не знаю, что у него на уме. Может, это очередная игра, в которую я ввязываюсь по собственной воле? Но от его пристального взгляда становилось дурно, и я торопливо натянула шлем, застегнув ремешок под подбородком с такой поспешностью, будто делала это миллион раз, хотя на самом деле это было впервые.

Два шага... и я решительно запрыгнула на мотоцикл, устраиваясь за спиной Олега, не зная, куда деть руки. Под

моими бедрами рычал двигатель, и я чувствовала его мощь, словно сидела не на куске металла, а на диком коне, готовом сорваться с места и унести меня в неизведанную даль.

Олег, не без усилий, нашел мои руки и прижал их к своей груди. Его тело обжигало даже сквозь плотную ткань куртки, словно я прижалась к раскаленной печи, в которой бушует дикое, всепоглощающее пламя. Пламя, в котором я боялась сгореть дотла.

– Держись крепче, Белка, – услышала я его голос сквозь рев мотора, и в следующее мгновение мы сорвались с места. Земля ушла из-под ног, и я зажмурилась, чувствуя, как дикий адреналин захлестывает меня, заставляя сердце бешено колотиться в груди.

Глава 6

Когда мы остановились, я утратила ощущение своего тела. Оно словно затерялось где-то в шлейфе скорости, в той невесомости движения. В глазах еще плясали тени улиц нашего тихого, словно заснувшего города.

– Эй, ты как там, живая? – Олег усмехнулся, с трудом разжимая мои пальцы, вцепившиеся в его куртку.

Я отпрянула, спрыгивая с байка так резко, что земля на миг ускользнула из-под ног. Сорвав шлем, я ощутила, как волосы бешено выбиваются из пучка. Олег уже стоял рядом и перехватил мою руку, когда я попыталась собрать их в небрежный хвост на затылке.

– Не надо, – прошептал он.

Я застыла, ощущая тепло его пальцев на своей коже. В его взгляде словно растворилась прежняя надменность. Сейчас янтарь глаз горел ярче, затмевая сумрак, делая их бездонными.

– Не заплетай..., – я пыталась прочесть ответ в его глазах, но он поторопился произнести его сам:

– Тебе идет...

Почему-то голос звучал не так ласково, как смотрели его глаза. И тут я поняла: он волнуется. Волнуется так же, как и я, и отчаянно пытается скрыть это за жесткостью в голосе. Меня это даже обрадовало, и я робко улыбнулась.

Вокруг простиралась лишь непроглядная тьма, редкие силуэты сосен, а за спиной Олега высился темный, обветшалый дом с зияющими глазницами пустых окон. Мы оказались на заброшенном пустыре, у дома, который, казалось, строился здесь веками, так и не обрета завершения. Раньше я думала, что это прибежище для бездомных или наркоманов, но сейчас, стоя у его крыльца (так близко я к нему еще не подходила), я поняла: это скорее обитель вечной пустоты и тишины.

– Зачем мы здесь? – не сдержалась я.

– Увидишь, – лишь коротко ответил Олег.

Он взял мой шлем и повесил рядом со своим на ручку мотоцикла. Затем открыл сиденье и достал оттуда бумажный пакет. Я еще раз обвела взглядом угрюмый пейзаж, а когда снова повернулась к парню, он уже стоял у темного провала в стене. Его силуэт на фоне серой громады здания казался внушительным. И, если бы он не крикнул:

– Ты идешь?

Я бы так и осталась стоять, словно вросшая в землю.

Я нерешительно направилась к нему. Едва переступив порог, я ощутила в ноздрах резкий запах сырости и тления. Может быть, там сгинула крыса, или даже кошка, если им хватило смелости туда сунуться!

Олег уверенно ориентировался в этом мрачном пространстве. Он быстро вывел нас к лестнице. На ней не было перил, и мне пришлось взбираться перебежками, прижимаясь к самым стенам. Я заметно отставала от спутника, но быст-

рее просто не могла: меня сковал липкий ужас от мысли, что этот хрупкий на вид дом может рухнуть в любой момент, погребая меня под грудой давящих плит.

Когда я догнала Олега, он уверенно взял меня за руку, и мы шагнули в темный, совершенно неосвещенный коридор. Впервые я усомнилась, стоило ли соглашаться на эту авантюру, ведь я всегда была жуткой трусихой. Но, так или иначе, я здесь, в крошечной тьме, чувствую, как парень тянет меня вглубь этого мрака.

Неожиданно он остановился, и я врезалась в его спину, почувствовав, как он обернулся. Отпрянув, я прижалась к стене, ощущая шершавую поверхность необработанных плит. Я не видела, но ощущала, как он навис надо мной. Похоже, у него было чертовски острое зрение, раз он мог отыскать меня в этом крошечном мраке.

– Все еще не боишься? – его обжигающее дыхание прошло по мне сверху вниз.

Я выдавила:

– Нет...

– А если я маньяк? Или убийца?

Я усмехнулась, скорее от дрожи, пробиравшей меня до кончиков пальцев, но постаралась разрядить обстановку шуткой:

– Ты разве забыл? Я – Кунг-фу Панда...

Его грудной хохот прозвучал зловеще. Но меня уже нельзя было напугать еще больше: я и так тряслась под мерное его

дыхание, ощущая себя загнанной белкой перед настоящим волком.

– Ты очень смелая, София, – произнес он, и мое имя сорвалось с его губ как-то особенно – с трепетом.

Но он не дал мне опомниться, схватил меня за руку, и мы снова быстрым шагом двинулись куда-то вдаль. Спустя несколько минут я услышала, как скрипнула старая, ржавая дверь. Маленькая комнатка, куда мы вошли, освещалась слабым светом луны, проникающим через небольшое окошко под потолком, к которому вела металлическая лестница.

– Мы что, полезем на крышу? – возмутилась я.

– Ага, – кивнул парень и в мгновение ока закинул меня на лестницу так ловко, будто я весила не больше тридцати грамм творога!

Я протиснулась через узкий проем, за мной – Олег. Он был воодушевлен, это было заметно по блеску его глаз. Я отвернулась, чтобы снова не попасть в их плен янтаря, и ахнула.

За краями небольшого участка крыши, словно убегая вдаль, виднелись лишь верхушки сосен. Даже отсюда не было видно конца этому лесу, но где-то далеко мерцали и гасли огни. Очевидно, это были машины, мчавшиеся по трассе. В остальном это место казалось необитаемым островом. Лишь твердая поверхность крыши и мы вдвоем, окруженные верхушками сосен.

Олег прошел до самого края и, отважно перекинув ногу,

уселся на парапет крыши. Я долго смотрела на его силуэт, не решаясь подойти ближе.

– Ну же, отважная Белка, – донесся его смех, – Неужели испугалась?

И мне так не хотелось показывать свой страх, что я мужественно зашагала к нему, стараясь не смотреть на пугающую высоту. Подгибая ноги, я опустилась на крышу в метре от Олега, хватаясь дрожащими руками за ее края.

Земли под нами не было видно: все окутывала непроглядная тьма. Луна то и дело пряталась за дождевыми тучами, и я ощущала их тяжесть на своих плечах. А может, это была вовсе не тяжесть, а страх?

Когда я потеряла надежду увидеть землю там, далеко внизу, я снова посмотрела на парня. Тот положил бумажный пакет перед собой, развернул его и достал две бутылочки пепси и несколько свертков.

– Так, – протянул он, – У нас есть хот-доги с сыром, – ткнул он в один из свертков, – С сыром, – повторил он, ткнув во второй, – И еще два, кажется, с сыром...

Я едва сдержала смех:

– Какой шикарный выбор!

– Что будешь?

– С сыром, – пожала я плечами, и парень натянул улыбку, вручая мне еще теплую булочку, завернутую во влажную бумагу.

Олег быстро развернул свой хот-дог и буквально в два

укуса проглотил его, почти не прожевывая, а потом запил газировкой. Я смотрела на это с широко распахнутыми глазами.

– Что? – удивился он моему взгляду, – У меня хороший аппетит!

Я и не сомневалась, ведь вся эта груда мышц требовала питания. Ответив кивком, я откусила свой хот-дог. Пряный вкус приятно растекся по языку, и большая порция сыра при-
шлась сейчас как нельзя кстати. Жевала я скорее машиналь-
но, все еще осматриваясь и улавливая каждый шорох.

– Не элитный ресторан, конечно, но...

– Самое то! – перебила я его и увидела вопрошающий
взгляд.

– Да? – янтарные глаза сузились, блуждая по моему лицу.

Я лишь кивнула, вновь проглатывая ужин. Олег перестал
жевать, разглядывая меня с особым вниманием:

– Я думал, подружка Марка привыкла к роскоши...

Я усмехнулась и чуть не подавилась. Стоило догадаться,
что клеймо «подружка Марка» даст о себе знать.

– Ты плохо меня знаешь, – ответила я.

Он, словно соглашаясь, кивнул:

– Ну, так расскажи...

Мне пришлось отложить хот-дог. Мысли путались, но я
старалась собрать их воедино. Казалось, мой язык жил своей
жизнью, поэтому он заговорил прежде, чем я осмелилась:

– Ну, я обычная девчонка. Живу, как ты заметил, в самом

обычном районе, вместе с мамой, с которой ты уже знаком...

– А отец?

Я замотала головой:

– Я его не знаю. Мама говорит, что он первосортный придурак, но я его никогда не видела, так что...

– Что насчет подруг?

Меня немного насторожило количество вопросов, но я старалась быть непринужденной.

– Хочешь понять, кто в курсе насчет нашего «свидания»?

– Что, если так?

– Скверно, – честно ответила я, – Но я уже здесь, так что, если захочешь меня прикончить, не сбрасывай меня с крыши, пожалуйста, я очень боюсь высоты...

Олег рассмеялся в голос. И это, пожалуй, самый удивительный смех, который я когда-либо слышала. Когда он остановился, то кивнул мне:

– Ну и? Есть друзья?

Я поразились тому, как быстро он может переключаться со смеха на суперсерьезный вид.

– У меня немного друзей, – вскоре ответила я, Олег смотрел на меня, доедая хот-дог, – Есть Дашка, мы зовем ее Мышкой, она немного застенчивая, но очень добрая. Еще Верка – с ней надо быть аккуратнее, это Шерлок Холмс в юбке, знает все и про всех, – я заметила, как парень улыбнулся, и поймала себя на мысли, что мне нравится его улыбка, – А еще Ромка Вахрин. Учителя считают его ботаником, но

он просто умный парень, и с ним легко. Наверное, он единственный, кто знает меня лучше всех...

– А как же твой бойфренд?

Я усмехнулась, но вышло скверно.

– Стоило сразу начать с него?

И я не ждала ответа. Мне было очевидно, что любопытство Олега в итоге сведется к одному человеку. К Марку.

– Я просто... пытаюсь понять, почему ты с этим пиз...
– Олег запнулся, словно споткнулся о собственное слово. Его взгляд метнулся к свертку в его руках, словно в них он мог найти более достойную замену вырвавшейся грубости. Внезапно, на его лице промелькнула робкая, почти детская улыбка. – ...Говнюком. Подойдет?

– Вполне, – прошептала я, пораженная внезапной метаморфозой этого грозного парня. Как он, словно по волшебству, пытается стать лучше, благороднее...

Неужели... ради меня?

Мой вздох сорвался, как паника из самой души. Мне казалось, он был настолько громким, что даже осенний ветер притих, завидуя глубине моего смятения. Олег смотрел на меня в упор, его взгляд, полный надежды и тревоги, обжигал сильнее любого пламени. И как же хотелось мне отвести глаза, уйти от ответа, но эта мольба, застывшая в его взгляде, лишала меня всякой возможности уклониться.

– Мы знаем друг друга слишком давно, – начала я и ощутила, как дрожит мой голос, – Поначалу с ним было весело

и, возможно, так оно и было на самом деле. Марк хороший парень, по крайней мере, был им когда-то, но сейчас... — я остановилась, вдруг осознав нелепость своих слов, — Знаешь, это неважно...

Олег подался ко мне, я замерла, бегая глазами по его лицу, пока его рука не коснулась моих губ. Он провел по ним большим пальцем, стирая что-то липкое, наверное, соус. В этом прикосновении было все: и нежность, и решимость, и даже забота...

— Он недостоин тебя, — прошептал Олег и одернул руку, сев на место.

Я, наверное, слишком громко дышала, все еще чувствуя прикосновение его пальцев. Они оставили обжигающий след. Олег усмехнулся моему замешательству и снова принялся за булку.

— А как насчет тебя? — неуверенно спросила я, — Расскажешь о себе?

Парень облизнул губы, стирая с них остатки соуса. Отпил газировки и уставился вдаль:

— Я вырос в этом городе, но последний раз был здесь еще подростком...

Он затих, словно ему больше нечего было сказать, но мне этого было мало.

— Родители?

— Я жил в детдоме, — быстро ответил он.

Я смутилась своему вопросу:

– Прости...

– Вот только не надо гребанного сочувствия. Это ни к чему... – быстро и даже немного жестко ответил парень. Я отвела взгляд, прикусывая язык, и его голос вдруг смягчился, – У меня есть друзья, ну и, пожалуй, всё...

В его голосе сквозила неприкрытая грусть, хотя он пытался скрыть её за равнодушно-холодным тоном, но у него не вышло. Я моментально почувствовала его одиночество.

– И знаешь, так даже проще, – вновь начал парень, – Когда ты ни к чему не привязан, тебя ничто не останавливает. Ты чувствуешь свободу.

Была в его словах и горькая правда. И я, наверное, должна была бы ему позавидовать. Ведь я никогда не знала, что такое настоящая свобода. Чувствовала себя зверем, закованным в ржавые, проклятые цепи. С одной стороны – мама, и груз ответственности перед ней. С другой – друзья, не то чтобы обуза, но.... А ещё этот Марк, с ним всё гораздо хуже. Я кожей ощущала те цепи, которыми он меня приковал. И эти узы были ненавистнее всего.

Уставившись в колючие верхушки сосен, я часто заморгала, прогоняя непрошеные слёзы. Они, как кислота, разъедали глаза. Едва я успела мысленно приказать себе не плакать, Олег тихо проговорил:

– Наверное, думаешь, какой я беззаботный тип?

– Нет, – усмехнулась я без малейшего намёка на веселье, – Немного пахнет эгоизмом... – пожала я плечами, но тут же

продолжила:

– Я подумала, что ты счастливый.... Вот только...

Я оборвала себя на полуслове, зная, куда может завести этот разговор.

– Вот только... что?

Неужели я всерьёз надеялась, что он пропустит это мимо ушей? Конечно, нет! Я ещё немного смотрела в его лицо, ищущее ответа, а потом решила идти до конца:

– Знаешь, Серёга и его шестёрки – не самая лучшая компания.

– Да ну?! – он вспыхнул мгновенно, я лишь кивнула. – Ты ничего не знаешь, София. Ничего, – повторил он вкрадчиво, словно заклинание.

Я развернулась к нему лицом, полная решимости:

– Ну, так расскажи, – требовала я, – Что за дела у вас с Марком?

– Бля! – оскалился тот, – Это не твоё дело! – резко отрезал он и вскочил на ноги, нервно комкая мусор от перекуса в пакет.

Я вдруг поняла, что другого шанса может и не быть. Поднявшись, скрестила руки на груди, заставляя его посмотреть на меня. Словно повинуюсь невидимой силе, Олег вскинул на меня взгляд своих янтарных глаз, пугающе открытых. Но мою решимость было не сломить.

– Расскажи мне, – потребовала я, – Я всё равно узнаю.

– Не лезь в это! – выкрикнул он, и я вздрогнула от его

резкого приближения.

Он больно схватил меня за руки выше локтей, даже немного приподнял, вглядываясь в мои глаза так глубоко, что я потерялась в этой бездне.

– Ты меня поняла? – но я не ответила, застыла, повиснув в тисках его сильных пальцев. – Поняла? – повторил он свой вопрос, наверное, дважды, а может, и больше. Я словно бы выключилась из реальности, парализованная его взглядом.

Он отпустил меня, и я отшатнулась. Олег отступил на два шага, а потом, развернувшись, так же стремительно приблизился, почти вплотную.

– Ты даже не представляешь, что случится, если он узнает, что ты съёшь свой нос...

– Кто узнает? – спросила я на удивление твёрдым голосом, и пока эта стойкость не покинула меня, я решила продолжить:

– Твой злобный дружок Серёга? Или есть кто-то покруче?

– София! – прорычал он мне в лицо, и я вновь окаменела. На его лице вылезли напряжённые венки на висках. – Ты играешь не в свои игры!

И я поняла, что он, наверное, как и я, боится этого Серёгу и того, что он творит. Иначе с чего бы Олегу сейчас так яростно пылать?

– Ты боишься его?!

Олег испепелил меня взглядом.

– Я не за себя переживаю...

– За меня? – спросила я, но он промолчал. – Не стоит! Он мне ничего не сделает!

Олег часто заморгал то ли от раздражения, то ли от переполняющей его ярости. А когда он вновь сократил расстояние между нами, его жаркое дыхание опалило моё лицо:

– Не смей лезть в это дерьмо! Ты не знаешь, на что способен Серёга и его щенки!

Я изумилась, как мило он отзывается о своей компании. Но меня вдруг захлестнула волна неконтролируемого гнева. Все мои догадки подтвердились. Тот разговор, обрывок которого я услышала в коридоре, был лишь вершиной нависших над Марком проблем.

Стало ясно две вещи:

Первая – Серёга пытается проникнуть в дела Игоря Борисовича, отца Марка. Почему и для чего – оставалось загадкой. Но, судя по всему, Марк был у Серёги на крючке, а вспоминая этого картавого придурка, было нетрудно догадаться, что он подставит Марка ради своих корыстных целей.

И второе – Олег не мог, а скорее не хотел, помешать Серёге в этих уже совсем не детских играх!

Я скрестила руки на груди, словно этот жест возводил непробиваемую стену между мной и парнем. Вскинула подбородок, устремив взгляд прямо в его лицо.

– Ты такой же мерзкий, как и твой дружок!

Олег скривился. Глаза его сузились, словно сквозь эти щели он мог видеть лучше. Вдруг, чувствуя непреодолимую тя-

гу к наступлению, я сделала шаг в его сторону, и мне пришлось высоко задрать подбородок, чтобы не отводить взгляд от его лица:

– Строишь из себя крутого парня, а на самом деле ты и есть тот самый щенок на его поводке!

Это были последние слова, которые сломали его самообладание. Бронзовое лицо налилось багровым цветом. Зрачки моментально сузились, превратившись в едва заметные крупинки, утонувшие в огне, где плавился янтарь. Мне показалось, что его трясёт, как в лихорадке, но нет, это была ярость. И я должна была испугаться, но почему-то была уверена, что он не ударит. Хотя кулаки его были сжаты так сильно, что костяшки на пальцах побелели.

– Лучше проваливай... – процедил он, не размыкая челюсти.

Мне показалось, что он не просто говорил, а скорее рычал. А в следующее мгновение он грубо схватил меня за руку и отшвырнул к окну, ведущему обратно с крыши:

– Убирайся! Сейчас же!

Неожиданно мое раздражение сменилось острой, пронзительной обидой. Глаза прожигали слёзы. Губы тряслись, как у пятилетней девчонки, получившей сразу несколько двоек. Вся моя решимость рухнула в одно мгновение. Я не помнила ничего. Как пролезла сквозь узкий проём в стене, как неслась через крошечную тьму. Не помнила, как спускалась по многочисленным ступеням. Перед глазами всё ещё стояли

его горящие злобой глаза, а в ушах звенел его яростный голос. Когда я вырвалась на улицу, я задыхалась от нехватки кислорода.

«Какая же я дура! Просто тупица!» – разрывались мысли в голове. – «Зачем я вообще попёрлась сюда?!»

Едва я успела ступить с площадки, где стоял припаркованный байк Олега, как услышала его голос прямо за спиной:

– Подожди!

Я обернулась, встречаясь с его взглядом. Ярость с его лица словно ветром сдуло, оно исказилось, как будто он испытывал мучительную боль. Калейдоскоп его эмоций менялся с раздражающей меня быстротой.

– Я не хотел...

– Да пошёл ты! – огрызнулась я и рванула с места, быстро пересекая дорогу, по которой мы сюда приехали.

Я слышала, как он кричал мое имя, потом послышался удар и падение мотоцикла, но я не оборачивалась.

«С меня хватит!» – кипела я от раздражения, смешанного со злостью и обидой.

Холодный ветер рвал щёки, по которым безудержно текли слёзы. Я брела по слабо освещённым улицам, надеясь как можно скорее добраться до дома и зарыться в подушки, которые выдержат всё: и мой гнев, и мои проклятые слёзы!

Глава 7

Утро встретило меня такой же беспросветной тоской, как и бессонная ночь. И да, сон так и не пришёл. Лишь мимолётная дрёма перед самым криком ненавистного будильника. Сквозь зубы, проклиная его за столь ранний подъём, я механически чистила зубы, избегая встречи со своим отражением. Зелёные глаза сегодня были полны такой глубокой, всепоглощающей тоски, словно жизнь покинула их.

«Всё дело в бессонной ночи», – твердила я, пытаюсь обмануть саму себя, хотя в самой глубине души знала – эта безрадостность пропитана болью вчерашнего, проваленного свидания.

К двум часам ночи во мне уже зрело отчаянное желание написать Олегу SMS с извинениями, но что-то меня остановило. Возможно, он мудрее меня, не тратит драгоценные часы на безумные мысли, а наслаждается сном. И я бы с радостью последовала его примеру, но вместо этого обречённо ворочалась в постели, то и дело, хватаясь за телефон, втайне надеясь увидеть там если не пропущенный звонок, то хотя бы короткое сообщение от него. Но телефон предательски молчал, и к четырём утра я окончательно похоронила надежду на новую встречу. И ещё глубже засунула надежду на то, что тайна той игры, что затеял Серёга, станет мне понятной.

Но во всем этом бессмысленном бреде мыслей я ощущаю

ла липкую и навязчивую тревогу. Да, Марк был говнюком, особенно в последнее время, но я не могла отделаться от пугающей мысли, что шайка Олега настырно вытягивает его в очередную авантюру!

Наспех забросив учебники и тетради в сумку, я натянула классическую школьную форму: белую водолазку, серую клетчатую жилетку и такую же юбку чуть выше колен. Завершили образ капроновые колготки и высокие белые гольфы. Нельзя сказать, что я стремилась угнаться за модой, скорее подсмотрела этот образ у Нат... хоть на что-то сгодились наше общение. И сейчас не удержалась от соблазна повторить его.

Выйдя из комнаты и собрав волосы в высокий хвост на затылке, я с обречённостью поняла, что мамы или уже нет, или ещё нет. С её работой сложно предугадать время прихода и ухода. Раньше это меня сильно огорчало, но теперь я, кажется, смирилась. Иногда мы видимся всего пару раз в неделю, но даже этого бывает достаточно. Особенно когда она заводит свою извечную пластинку про секс и предохранение!

Я кое-как выпила чай, лишь поковырявшись в овсянке, приготовленной мамой на завтрак.

– Чтобы день прошёл замечательно, нужно обязательно есть овсянку! – неустанно твердила она, но я редко могла заставить себя проглотить хотя бы ложку. И сегодня не стало исключением. Я размазала кашу по тарелке, затем вновь собрала её в кучку, не переставая думать о вчерашнем вечере.

Поняв, что аппетит ко мне не придёт, я оставила бесполезные попытки позавтракать и, накинув короткую чёрную куртку поверх формы и вскочив в любимые кеды, поспешно выскользнула из квартиры.

Мне отчаянно хотелось думать о чём-то светлом, но голова была забита разными, в основном мрачными, мыслями, в хаосе которых я даже не пыталась разобраться. Меня всегда пугала неразбериха, наверное, потому что я просто не знала, с чего начать. И сейчас было то же самое: я перебирала мысли, словно вещи в заброшенном чулане, но не находила даже полки, куда можно было бы запихнуть хоть одну из них.

Выйдя на улицу, я замерла в оцепенении. В первую секунду мне отчаянно захотелось нырнуть обратно в подъезд, но металлическая дверь за моей спиной предательски захлопнулась, отрезав мне путь к спасению.

Вчерашний вечер словно пытался повториться вновь. Серый, дождливый день, хмурые тучи, и Олег, с ожиданием смотрящий на меня, облокотившись на свой байк...

Единственное различие между этими двумя днями – он крепко сжимал в руках мою куртку, которую я забыла у Марка, покидая его дом в пьяном угаре.

– Привет, – услышала я его до чрезмерно счастливый голос.

Мне захотелось выругаться. То ли потому, что я вновь растворялась в его глазах, то ли потому, что он выглядел таким свежим, в отличие от меня – измученной и разбитой.

«Плевать!» – подумала я и двинулась в его сторону. Между нами оставалось не больше метра. Я остановилась и сморщилась, словно от отвращения:

– Теперь будешь следить за мной?

– Вообще-то я думал – ты за мной, но потом вспомнил, что ты не знаешь мой адрес...

Он говорил это с долей смеха, что раздражало меня ещё больше. Как он может вести себя так, будто вчерашнего вечера и не было?

В голове промелькнула мысль, которую я тут же озвучила:

– Ты пришёл ответить на мои вопросы?

– Конечно, нет, – ответил он быстро, словно предвидел этот вопрос.

Я с раздражением тяжело выдохнула:

– Тогда нам больше не о чем говорить!

Я потянулась к краю своей куртки, согретой в его руках. Признаюсь, я ей позавидовала! И даже решила её наказать, когда мы останемся наедине! Может, распорю карманы или оторву пуговицы, по одной!

Но Олег, не желая отпускать её, потянул куртку к себе, и я, потеряв равновесие, уткнулась лицом прямо в его объятия.

Его аромат был просто невероятным! Никогда бы не подумала, что запах сигарет может показаться мне таким приятным. Однако, смешиваясь с дурманящим ароматом сандала, он окутывал меня, лишая способности двигаться и думать.

– Подвезти тебя до школы? – прошептал он, обжигая меня

своим дыханием, и я тут же почувствовала, как жар от его прикосновения проникает под кожу.

Неожиданно я вздрогнула, словно очнувшись от сна. Вырвалась из его объятий, отняла свою куртку и отступила на два шага назад, чтобы вновь не пасть перед ним ниц.

– Во-первых, до школы пять минут пешком, – злобно начала я, и даже сама заметила, как глупо это звучит, – А во-вторых, я с тобой больше никуда не поеду!

Он окинул взглядом двор и мой дом, словно ища свидетелей нашей встречи, а затем посмотрел на меня с весёлой усмешкой и лукавым блеском в глазах:

– Отлично, значит, прогуляемся...

Я вспыхнула от ярости.

– Вот ещё!

Олег отошёл с байка, приняв достаточно решительный вид. Я поняла, что не смогу его остановить. Целая гамма неприятных эмоций обрушилась на меня, словно ливень. Я чувствовала, как краснею от злости и раздражения, и всё, что смогла сделать, это выдохнуть сквозь зубы, развернуться и уйти.

Он шёл следом, я буквально чувствовала его присутствие за спиной. Его взгляд разглядывал меня с особым вниманием, и я даже чувствовала, где он задерживается дольше...

– Ты хотя бы можешь не пялиться так откровенно? – выплюнула я, краснея.

– Могу, – с насмешкой ответил он, – Но не хочу!

– Самовлюбленный придурок! – фыркнула я себе под нос.

Мне хотелось обернуться и вклепить ему пощёчину, но вместо этого я, горя от гнева, продолжала топать в сторону школы.

– София, ты не сможешь дуться на меня вечно, – тихо сказал он, но достаточно громко, чтобы я услышала.

– Смогу, – заявила я, даже не взглянув на него.

Олег поравнялся со мной, видимо, вдоволь налюбовавшись на мою спину или на то, что пониже.... И выражение его лица стало довольным и даже масляным, как у кота, объевшегося сметаны.

«Отвратительно!» – мысленно выплюнула я, а вслух произнесла:

– А вот ты не сможешь вечно за мной таскаться!

– Это ещё почему?

Я усмехнулась:

– Поводок слишком короткий!

Я с удовлетворением заметила, как лицо парня помрачнело. Это было для меня огромной наградой. Пусть я и не могла причинить ему физическую боль, зато у меня был острый язык. Я знала об этом и пользовалась этим в подходящие моменты. Например, такие как сейчас.

И как только я подумала, что парень остановится, отказавшись от затеи провожать меня, он внезапно ускорился и нагнал меня в два счёта. Когда я украдкой посмотрела на его лицо, то, кроме нарочитого спокойствия, там ничего не бы-

ло. Он упорно делал вид, что мои слова его не задели, но я-то знала, что это не так.

Олег повернулся ко мне, не снижая темпа ходьбы:

– Я знаю, что ты делаешь...

– Сомневаюсь, – без капли радости рассмеялась я, – Ты вообще меня не знаешь.

Взгляд парня был пронзительным, но я старалась не смотреть в его глаза. Ведь это было опасно. Возможно, настолько же опасно, как добровольно прыгнуть в электрощиток с оголёнными проводами.

Мы уже подходили к школе, и тут я поняла, что зря не остановила его раньше. Зеваки на крыльце смотрели на меня и моего спутника с пристальным вниманием. Я сначала даже остановилась, ощущая, как десятки пар глаз одноклассников и ребят с параллели пригвоздили меня к асфальту.

Олег остановился следом, не понимая моего испуга.

– Пытаешься наговорить мне херни, чтобы я отвязался, – он смотрел прямо мне в лицо, а моя голова кружилась, – Но на самом деле ты этого не хочешь.

Меня реально начинало тошнить. Находиться в центре такого пристального внимания было не просто нежелательно, это вызывало у меня панику!

«Стоп!» – скомандовала настырная мысль, – «На что это он намекает?»

До меня вдруг дошёл смысл его слов, отодвинув панику на второй план. Я вскинула на него глаза, сузив их до узких

щёлочек, через которые едва его видела.

– Чушь! – выплюнула я и поспешила к крыльцу.

Олег двинулся за мной. Я судорожно оглядела толпящихся на крыльце школы и мой рот сам собой открылся, как только я увидела Вахрина, Дашку и... Верку! В глазах рыжеволосой читалась сенсация дня!!!

Мне пришлось зажмуриться, и я упала бы, споткнувшись о камень, если бы Олег не подхватил меня за руку. Я отдёргнула её так быстро, надеясь, что это останется незамеченным. Как и мои щёки, вспыхнувшие ярким румянцем, словно спелые помидоры.

Олег с прищуром посмотрел на меня:

– А знаешь, почему?

– И почему же? Мистер Всезнайка, – я скрестила руки на груди, стараясь скрыть дрожь.

Меня всю колотило!

– Я нравлюсь тебе, – с ухмылкой произнёс парень.

Я пару раз открыла и закрыла рот. Все слова словно разбежались по тёмным углам моего мозга, оставив звенящую тишину и слабые отголоски голоса Олега.

– Что за бред?! – еле выдавила я из себя.

Парень сделал шаг ближе. Я машинально отступила назад, чем снова его развеселила.

– Я так и знал! – громко сказал он, растянув губы в самодовольной улыбке, а потом заявил ещё громче, – Я нравлюсь тебе, Белка.

На школьной площадке воцарилась гробовая тишина. Все, кто находился на крыльце, на лестницах и перед ней, замерли в ожидании продолжения этого представления, словно немые зрители, случайно купившие билеты на спектакль под названием «Позор Софии».

Я окинула взглядом всех вокруг, стараясь не смотреть на Верку, но втайне молилась, чтобы она забыла обо всём, вот прямо сейчас. Поняв, что мои молитвы бесполезны, я решила оставить рыжеволосую на потом, и вновь сверкнула гневным взглядом на Олега:

– Ты не мог бы потише...

Он словно машинально взглянул на крыльцо, видимо, чтобы встретиться глазами с моими друзьями, и моментально всё понял. Когда он вновь повернулся ко мне, янтарные глаза по-прежнему искрились чертовщинкой. Казалось, его не только не заботили посторонние взгляды, а даже наоборот, они подстёгивали его игривость!

Я зажмурилась, стараясь говорить как можно спокойнее и едва слышно:

– В этой школе слухи разносятся со скоростью света, – мой шёпот больше походил на мольбу.

Живот сводило от тошноты, а по спине пробежал рой мурашек и, поднявшись до макушки, вернулся обратно. Меня заметно передёрнуло. Олег наклонился ко мне, уменьшая расстояние между нашими лицами и привлекая к себе ещё больше внимания зевак.

– Подкинем дровишек в костёр школьных сплетен?

И в следующее мгновение он обхватил моё лицо горящими ладонями, припечатав меня к своим губам долгим, очень долгим поцелуем, скорее похожим на затяжной чмок!

В такие моменты, принято закрывать глаза, но я не смогла. Наоборот, они распахнулись до безумия, казалось, сейчас выскочат из орбит. Я видела всё: как время на школьном дворе замерло в немом изумлении, как челюсти моих друзей рухнули к их ногам, как нервно дёргается глаз Даши. Парочка зазевавшихся старшеклассников с грохотом посыпалась со ступеней. Олег отстранился, оторвался от моих губ и, словно ища ответы на невысказанные вопросы, впился взглядом в моё лицо.

А я... я потеряла дар речи.

«Чёрт бы побрал этот день! Надо было есть овсянку!» – билась единственная мысль, все остальные я гнала прочь, не желая даже думать о последствиях.

И кто бы мог подумать, что этот самодовольный наглец, сотворив такое, нахально подмигнёт мне? И он подмигнул, и, развернувшись, пойдёт прочь, раздавая на ходу беспечные комментарии:

– Привет! Добрый день! Круто выглядишь!..

Мне хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, испариться. Потому что если я не умру прямо сейчас, меня растерзают там, на крыльце, три пары глаз, полных укора и ошеломления. И я чувствовала, как неумолимо скольжу в ад,

поднимаясь по ступеням школы.

– Это... что это было? – с трудом пробормотал Вахрин, сверля меня непонимающим взглядом. Стоит ли говорить, что я пылала краской до кончиков ушей?

– Ущипните меня! Мне, кажется, я сплю! – простонала Верка, адресуя это Дашке, но получила болезненный щелчок от Ромки. – Ауч!

Я застыла в метре от них, не в силах двинуться дальше. Сказать, что я сама была шокирована – это ничего не сказать!

– Теперь Марк точно с тобой расстанется! – заявила Дашка, и, клянусь всем святым, за всё это время она ни разу не моргнула!

На несколько томительных мгновений воцарилось гробовое молчание, нарушаемое лишь бьющейся в висках кровью. Но школьный двор постепенно оживал. Свидетели моего позора словно очнулись, возвращаясь к своим заботам. Все, кроме нас четверых!

Первой пришла в себя Дашка:

– Фу, Софи! Какая гадость, – она впервые за это время моргнула, – Как ты могла так поступить с Марком?!

– Это... это... – начала я, запинаясь, но слова застряли комком в горле, и мне пришлось зажмуриться, чтобы хоть что-то из себя выдавить, – Это не то, о чём вы подумали!

– М-да?! – усмехнулся Вахрин, скрестив руки на груди, – Нам всем показалось, что ты только что целовалась с ка-

ким-то незнакомым парнем?

– Я его не целовала! – мой голос сорвался на крик, снова привлекая внимание всего школьного двора. Я почувствовала, как все взгляды устремились на меня, и поспешила сбавить тон. – Не целовала! Ясно?

– Яснее некуда, – захихикала Верка, её озорные кудряшки заплясали на плечах, – Это было просто дружеское прощание...

Я испепелила её взглядом и пронзила воздух указательным пальцем, указывая на неё:

– И только попробуй растрезвонить об этом...

Она вскинула руки ладонями вверх:

– Белка, – ответила она обиженным голосом, но взгляд рыжеволосой был довольным, – Я – могила!

– Жаль, что вскрытая! – поддел её Вахрин.

Больше не в силах выносить это напряжение, я направилась в здание, ощущая на затылке тяжесть сверлящих взглядов.

Вахрин был прав, эта могила по имени Верка была болтливее всех живых! Мне страшно было представить, что школьные сплетни сделают из этой дурацкой выходки Олега. Похоже, он и сам не подозревал, какую бомбу он только что мне подложил.

Всю дорогу до класса я слушала, как Дашка и Верка обсуждают, как мне лучше всего поступить с Марком. Один план хуже другого. Верка настаивала, что нужно немедленно

ехать к Марку и во всём признаться, каясь и моля о прощении. Дашка, возражая, утверждала, что лучше вообще ничего не говорить и молиться, чтобы этот инцидент не всплыл. Случайно... Как будто Верка способна держать язык за зубами! Как и вся наша школа, больше напоминающая склеп, полный раздутых историй, ставших достоянием общест-венности.

Добравшись до парты, я немного успокоилась. Как загнан-ный зверёк, я съёжилась, пока класс заполнялся ученика-ми. Я чувствовала их любопытные взгляды и слышала тихие смешки в свой адрес. Когда Ромка оказался рядом, я посмот-рела на него почти умоляюще:

– Как думаешь, можно надеяться, что эта история не раз-летится по всей школе?

Он плотно сжал губы в тонкую линию, и ответ был оче-виден.

– Конечно же, нет, – произнесла я за него.

– Если хочешь знать моё мнение, – я кивнула, хотя он и не ждал моего согласия. В глазах друга читалась невероятная поддержка, в моих – вселенское отчаяние, – Тебе и правда стоит поговорить с Марком и поставить точку в ваших отно-шениях...

И он, как всегда, был прав. Все эти дни я тайно мечтала пережить этот хаос, но не смела надеяться о продолжении отношений с Марком. Тот вечер на его последней вечеринке стал финальным аккордом нашей пьесы. И тянуть дальше не

было смысла.

В кабинет вошёл преподаватель географии, вместе с над-рывистым школьным звонком, сообщаящим о начале урока. Класс машинально затих, лишь шелест тетрадных листов по-прежнему напоминал о жизни в этом душном помещении.

– Здравствуйте, дети, – весело произнёс он, – Сегодня мы перенесёмся в мир Древней Греции...

«Отлично!» – подумала я, – «А нельзя ли мне бессроч-ный билет? Возможно, там я смогу переждать, пока весь этот кошмар, в который превратилась моя некогда спокой-ная жизнь, не закончится!»

После уроков, оттолкнув от себя липкое сочувствие по-друг, я отважилась встретиться с Марком, и наконец, поста-вить точку там, где она уже стояла несколько лет, только вот я все никак не решалась в этом признаться.

Дашка и Верка жаждали вовсе не поддержки в мой адрес, а зрелища спектакля, которое, им казалось, непременно бу-дет. Одна лишь мысль о том, что они могут стать свиде-телями и без того тяжелого разговора, заставляла меня содро-гаться. А Ромка...

Вахрин был единственным лучом света в этом гнетущем ожидании. Всю дорогу до остановки он трещал без умолку о

пустяках: о выходных, об учебе, о Верке и Дашке... лишь бы отвлечь меня от этой надвигающейся бури.

– Позвонишь?.. потом... – прозвучал его голос с надеждой.

– Конечно, – отозвалась я, ныряя в распахнутые двери автобуса, словно в бездну, обратного пути из которой не будет.

Забившись у огромного заднего окна, я вцепилась в поручень, словно только он мог остановить меня от желания выпорхнуть из салона автобуса, стараясь оттянуть неминуемое. Ромка долго смотрел мне вслед, пока автобус не тронулся, и я видела в его глазах ту же мучительную смесь чувств, что разрывала и меня. В них читалось:

«Что, черт возьми, творится с моей жизнью?!» и одновременно: «Наконец-то!».

И вопреки этой пульсирующей тревоге, где-то в глубине души я понимала, что расставание с Марком – это необходимость, как глоток воздуха умирающему от удушья.

Неожиданно в сознании всплыл образ Олега.

Что он подумает, когда узнает? Решит, что я сделала это из-за него? Самовлюбленный эгоист!

«А разве не из-за него ты расстаешься с парнем, с которым встречалась столько лет?» – прошептал предательский голос разума. Я встряхнула головой, отгоняя эти крамольные мысли.

Разрываемая сомнениями, я выскочила на уже знакомой мне остановке, она была конечной в маршруте этого автобу-

са, поэтому, подъезжая к ней, я сразу ощутила, что в салоне, помимо водителя, только лишь я и кондуктор (женщина с растрепанными волосами мирно дремала на своем месте). И когда я, как одинокий странник, покинула салон автобуса, он с грохотом захлопнул двери за моей спиной, недовольно фыркнул и двинулся прочь, на площадку, где обычно дожидался времени отбытия.

Я смотрела ему вслед, а мысли уже тщательно, панически планировали побег, в котором я запрыгиваю в тот же автобус и мчусь обратно домой.

И я вдохнула полной грудью, словно воздух мог придать мне храбрости, но она утекала сквозь пальцы, как песок. С каждым шагом к дому Марка я чувствовала, как меня покидают силы. В окнах роскошного особняка царила тьма, и я на мгновение подумала, что он забыл о нашей встрече, умчавшись навстречу друзьям.

Примерно после второго урока, изъеденная укорами девчонок и не менее тяжкими взглядами Вахрина, я написала Марку. Он, как ни странно, ответил, что внушило мне, возможно, ложную надежду, что он еще не в курсе случившегося сегодня на школьном крыльце. Конечно, я не спускала с Верки глаз, следя за каждым ее движением, чтобы она нарочно не позвонила Марку и не выдала ему всю правду, которая распирала ее, и я это видела по ее выпяченным глазам. И я с уверенностью могу сказать, что у Верки не было и шанса сообщить Марку последние подробности, а вот у всех

остальных... Марк давно не учился в нашей школе, но здесь у него оставалось немало приятелей, с которыми он поддерживал отношения.

Робко постучала в металлическую дверь. Я знала, что стоит дернуть за ручку, и она откроется, но переступить этот порог после всего, что случилось или должно случиться... было выше моих сил! За дверью раздались шаги, и вот, наконец, он – Марк, словно сияющий в полумраке, появился на пороге. Как обычно, он провел рукой по непослушным кудрям, пытаясь зачесать их назад, но они упрямо падали ему на глаза.

– Как же я соскучился, Белка!!!

Он шагнул вперед, чтобы поцеловать меня, но я увернулась, и его губы коснулись лишь моей щеки. Неловкость пронзила меня, словно ледяной иглой. Мое тело отчаянно противилось не только его прикосновениям, но и самому присутствию рядом.

– Привет, – прошептала я взволнованно и дрожаще.

Марк отстранился и жестом пригласил войти. Я замерла, рассматривая его, словно пытаясь сохранить в памяти образ того, кто еще недавно был для меня всем, а стал... просто мальчишкой, с которым когда-то было хорошо.

Он был чуть выше меня, с квадратным лицом и волевым подбородком, разделенным глубокой ямочкой. Большие каре-зеленые глаза в редкие моменты просветления светились озорным блеском. Сегодня на нем были рваные джинсы и бе-

лая футболка, небрежно заправленная за пояс. Он был красив, очень красив. Мечта многих девчонок, не только моей школы, судя по одноклассницам Марка и его подругам.

Я уверена, как только весть о нашем расставании облетит город, у его дома выстроится целая очередь желающих занять мое место.

Но эта мысль больше не причиняла мне прежней боли. В душе поселилось странное, болезненное спокойствие. Раньше расставание казалось мне предательством: я выбрасываю беззащитного домашнего кролика на улицу. Теперь же – я отдаю его в руки, которые будут любить его больше, чем я.

Улыбнувшись этой мысли, я прошла за ним в гостиную через холл, где находилась та самая уборная, в которой я спасала свой организм от алкогольных последствий в объятиях Олега. Пожалуй, единственное место в этом доме, вызывающее светлые воспоминания!

Марк развалился на диване, закинув ноги на журнальный столик, я машинально села рядом, но, опомнившись, отодвинулась. Его рука легла мне на плечи тяжелым грузом, вызывая острое желание убежать.

– Слушай, Соф... – устало начал Марк, и я украдкой взглянула на него. Он прижался ко мне корпусом. – То, что произошло...

– Я как раз хотела поговорить об этом, – запинаясь, прошептала я. – Но сперва... – я развернулась к нему всем телом, поджав под себя ногу. – Что от тебя хотела та компания?

Марк сдвинул брови к переносице:

– Ничего, – заторопился он с ответом, и я почувствовала фальшь в его голосе. – Правда, ничего!

Но я-то знала, что он лжет, и это было отвратительно. словно эта ложь просачивалась под кожу, струилась по венам, покрывая меня мерзкими мурашками.

– Ты не должен иметь с ними никаких дел! – четко проговорила я, не отрывая взгляда от его лица.

– Это еще почему? – возмутился он.

– Марк, – выплюнула я его имя, и меня чуть не стошнило. – Неужели ты не понимаешь, что Серега и его шайка – мерзкие подонки, которые подставят тебя, не раздумывая...

Но Марк, словно не веря мне, грустно усмехнулся и отвел взгляд. Я бы могла подумать, что он любит свое отражение в черной зеркальной стене с огромной плазмой, но его вид был измученным.

– Если речь идет о бизнесе твоего отца, то ты тем более не должен туда лезть!

– Бля, – выдохнул он устало.

– Отец убьет тебя!

– София! – огрызнулся Марк. Впервые за все время, что мы были вместе, он назвал меня полным именем, и я застыла, разглядывая его глаза, в которых больше не могла прочесть ничего. Прежде все его мысли отражались в этих каре-зеленых омутах. Марк облизнул пересохшие губы:

– Ты не понимаешь, что происходит, – проговорил он, и

я поняла, что его голос срывается в измученный стон. — И я очень прошу тебя, перестань лезть в мои дела!

— Твои дела...

Он наклонил голову набок, прервав меня:

— Я сказал, не лезь!

Напряжение между нами стало невыносимым. Воздух словно покинул это пространство, хотя раньше эта огромная зала с высоченными потолками и панорамными окнами казалась мне стеклянным кубом, переполненным кислородом.

Я еще немного смотрела ему в лицо, пытаюсь пробиться сквозь стену, которая никогда еще не была такой непроницаемой. Стало понятно, что рассказывать о «своих делах» он не станет.

— Ясно, — выдавила я, оставляя последние надежды на спасение Марка, и скрестила руки на груди, словно воздвигая между нами барьер. — Как хочешь!

Меня злило и невероятно терзало то, что ни Марк, ни Олег не давали мне ни единого шанса понять, что происходит! А я ведь сгорала не просто от праздного любопытства, а от всепоглощающего желания докопаться до сути этой запутанной истории!

Отец Марка был не просто крупной шишкой в нашем городе, прежде всего он был крупным бизнесменом. И я четко понимала, что за таким грязным бизнесом, как нефть, скрывается нечто ужасное. То, куда лучше не то что не соваться, а даже думать про это было опасно!

– Соф, – уже тише позвал парень и прильнул к моему плечу. – Давай не будем об этом! Пусть тот вечер и Серега кажутся ко всем чертям, а сейчас...

Он подался вперед и коснулся губами моих губ. Сначала едва ощутимо, а после прижался так, словно искал живительную влагу в иссохшей пустыне. И я сразу почувствовала эту фальшь.

Даже невзрачный поцелуй Олега на школьном дворе был наполнен большей чувственностью и теплом, чем то, что происходило между мной и Марком в эту секунду. От этой мысли мне стало жутко, и я, собрав последние силы, отпрянула от Марка, дрожащей рукой вытирая губы от его влажного прикосновения.

– Значит, ты все-таки обиделась...

Да, я действительно была обижена, но почему-то соврала:

– Я не обиделась, – фыркнула я, злясь на себя за нерешительность сказать правду. – Просто... я...

– Просто ты опять пряталась со своим приятелем-педиком где-нибудь подальше от шумной вечеринки, пока я заливался виски... – грустно выдохнул парень, словно констатировал давно известный факт, и меня даже обрадовало, что он хоть как-то понимает, насколько меня раздражает его поведение.

Жаль, что это уже ничего не меняет!

– Не надо так про Рому!

Марк устало откинулся на спинку дивана, хмуро разгля-

дывая серый день за окном своего особняка, а потом снова посмотрел на меня.

– Да, к чему это вранье, – шепнул парень, – Я знаю, что Вахрина не было на вечеринке, – заключил он уже громче, и я заметила, как дрожит его подбородок, а на скулах от напряжения играют желваки. – И Нат рассказывает какие-то удивительно странные истории про тебя... и про какого-то парня...

– А еще она говорит, что ты расстался со мной, Марк! – словно в обвинение произнесла я.

– Нет! – скривился он, словно я сказала что-то отвратительное. – Она все не так поняла...

И добавить ему было нечего. Я вновь ощутила огромную пропасть между нами, которая сейчас напоминала зияющую черную дыру, куда я медленно, но верно падала.

– К черту, Нат! – быстро оживился он, натягивая улыбку, от которой было мерзко. – Давай сделаем вид, будто ничего не было, и...

– Нет! – почти вскрикнула я и почувствовала, как он вздрогнул, даже жилы на его скулах перестали нервно подергиваться.

Кажется, впервые за долгое время я смотрела ему в глаза так долго. Пристально. Не знаю, что я там искала, может быть, свое мужество, с которым шла в этот дом, а может, отголоски прежнего парня, которого когда-то любила. А может, просто хотела верить, что любила, а на самом де-

ле прикрывалась фальшивыми отношениями, чтобы не быть одной.

Внутри на мгновение стало невыносимо больно, словно что-то разорвалось, хотя оборвалось уже давно, а сейчас просто ныло.

Я так громко выдохнула, что, кажется, Марк все понял по этому выдоху и уронил голову, прижав подбородок к груди. Кудряшки скрывали его лицо, а мне больше не хотелось на него смотреть.

– Марк, – начала я, и он нервно затряс головой. Я замерла.

За окном разразился дождь, словно сама природа оплакивала мое разбитое сердце.

– Я знаю, что ты хочешь сказать...

– Тогда дай мне это сказать, потому что я больше не выдержу! – простонала я, и едкая злость раздирала меня на части.

Злость на Марка, на его жизнь, но больше всего злость на себя. Когда он поднял на меня глаза, они были полны грусти, как у котенка, которого оставили под ливнем, но я не могла отступить:

– Все, что происходит между нами, уже давно потеряло всякий смысл, – он замотал головой, и я вновь вспыхнула. – Да, Марк! Да! Вся эта гламурная жизнь, вечные тусовки и...

– Давай больше не будет тусовок? Давай?

Я больно прикусила губу, стараясь унять скопившуюся в груди боль.

– Нам ничего уже не вернуть! – быстро сказала я и поднялась, потому что заметила, как его рука потянулась ко мне, пытаюсь заключить в объятия (он всегда так делал, и раньше это работало, а сейчас нет!).

– Я прошу тебя, Марк, – умоляюще прошептала я, и он снова скривился, словно вот-вот заплачет. – Посмотри на нас, ты – парень из богатой семьи, любящий выпячивать все напоказ и развлекаться, а я...

Стоило ли говорить, кто я? Кажется, я слишком долго молчала, так долго, что сейчас голова гудела от желания высказаться.

– Я простая девчонка, которой это не нужно! Мне не нужно излишнее внимание всех вокруг, мне не нужны подарки, рестораны и вот это вот все, – я обвела пальцем, словно заключила эту гостиную в круг, – Это все не мое!

– Так вот просто, Соф? – он встал следом, а я, не в силах больше смотреть ему в лицо, отвернулась. – Ты так просто расстанешься со мной после всего, что было? – и я хотела ответить, но он не давал мне шанса вставить и слова. – Мы же с тобой с самого детства вместе! Ты просто не можешь бросить меня! Это же... это же просто нереально! И я люблю тебя!

Наконец-то он замолчал. В сотнях хрустальных подвесок на огромной люстре еще долго звенели отголоски его голоса. А я смотрела в мерцание этого хрусталя и пыталась перестать чувствовать себя виновницей всего, что случилось с

нашими отношениями. Но именно так я себя и ощущала. И это было хуже всего.

– Ты любишь себя, Марк, – выдохнула я, собирая остатки сил. – Не меня...

И прежде чем он пришел в себя от моих слов, и прежде чем очнулась я сама, я решила сбежать. Быстро и решительно я буквально пронеслась сквозь гостиную, едва не перевернувшись через кожаное кресло, а дальше – холл, дверь, воздух...

Кажется, он что-то крикнул мне вслед. Зная Марка, это было что-то отвратительное и болезненное, но я не разобрала этих слов за четкими ударами сердца прямо в моих ушах.

Но он не пытался меня остановить, и только заодно это я была ему безмерно благодарна, ведь если бы он побежал следом, ему бы хватило слов, чтобы остановить мою решимость. Ему всегда было что сказать, останавливая меня перед прыжком в бездну. И наше расставание было действительно этим прыжком.

Прыжком не просто в бездну, а в неизвестность.

«Сверхбессмысленнейшее слово: расстаемся. – Одна из ста? Просто слово в четыре слога, за которыми пустота», – прочла я однажды слова Цветаевой. И тогда это была лишь фраза, написанная поэтессой, а сейчас это стало символом точки в долгих, очень долгих отношениях.

Когда я остановилась, я уже была в своем районе. Меж серых хрущевских пятиэтажек. Дождь поливал, словно ста-

раясь утопить меня в своем адски холодном океане. Волосы мои, как хлысты, пропитанные влагой, шлепали по лицу в очередном порыве ветра. Но я почти не чувствовала холода, внутри kloкотало что-то болезненное и чрезвычайно неприятное. И я не старалась отбросить эти чувства, наоборот, я жадно впитывала их, как и моя одежда впитывала дождь.

Мне было крайне важно чувствовать хоть что-то, пусть даже эту боль, потому что только это напоминало мне, что я жива.

Жива... и свободна! Впервые за эти годы я почувствовала настоящую свободу, не обремененную отношениями с Марком, свою собственную жизнь, в которой Марку и его мнению больше нет места.

Глава 8

– Да ладно?! – взвизгнула Верка, ища подтверждения в моем кивке. – И что потом?

– Потом... я промокла до нитки, – выдохнула я, вспоминая ледяные капли вчерашнего дождя.

– Ну, ты и кремень, Софи, – пробормотала Дашка, пораженная. – Как ты решилась на это?

Признаться, я боялась, что они еще долго будут корить меня за разрыв с Марком. Они, конечно, твердили, что мое счастье для них важнее, чем безумные вечеринки Марка, но... все же.

Вахрин узнал обо всем раньше них. Я позвонила ему вчера, едва обсохнув. Он рвался прийти, но сил у меня не осталось ни на что, кроме как рухнуть в кровать и забыться.

И вот сейчас я видела в глазах Верки обиду, что не она первой узнала эту новость года! Они обрывали телефон весь вечер, но я не отвечала, давая себе право на передышку, хотя понимала, что в школе расплаты не избежать. И час этот настал.

– Кремень – это мягко сказано, Мышка, – с вызовом проговорила Верка, отбрасывая непокорные кудряшки. – Как можно добровольно отказаться от такого парня?

Я попыталась отшутиться:

– Место свободно, так что...

– Эй! – Дашка легонько ткнула меня ручкой в плечо. – Почему ей предлагаешь, а не мне?

Хотелось рассмеяться, но ситуация была до абсурда нелепой, поэтому, сдержав улыбку, я просипела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.